

**Давно ушла от нас
война ...**

К 75-летию Победы

Давно ушла от нас война...

Рассказы

Стихи

Воспоминания

Иркутск
2020

ББК 84(2=411.2)6
Д13

Составители И. Баймуратова, Л. Проскурякова
Оформление обложки Л. Мельникова
Рисунки М. Новика, учащихся МКУ ДО «Тайшетская детская художественная школа»:
О. Блажко, А. Ключова, К. Грузкова, В. Гушиной, А. Подковина, А. Грибанова.

Давно ушла от нас война : рассказы, стихи, воспоминания / составители И. Баймуратова, Л. Проскурякова; вступительная статья И. Баймуратова; оформление обложки Л. Мельникова; рисунки М. Новика, МКУ ДО «Тайшетская детская художественная школа. – Иркутск : Типография «На Чехова», 2020. – с. : ил.

Сборник включает рассказы, стихи, воспоминания о Великой Отечественной войне членов объединения «Тайшет литературный», учащихся школ, а также жителей города и района.

От составителя

Уважаемый читатель!

У всего мира есть своя цена,
Во что мы ценим – радости и беды,
Какой ценой досталась ты, война?
Какой ценой досталась ты, Победа.
А. Березин

Вы держите в руках второй литературно-художественный сборник из серии «Тайшетские строки о войне», посвящённый 75-летию Великой Победы.

Мы должны знать и помнить, бережно хранить память о тех годах, что пришлось пережить нашим отцам и дедам, защищавших нас от фашизма. Мы должны знать и помнить, какой ценой досталась нам Победа. Наша страна потеряла миллионы людей, среди них – наши земляки.

В сборник вошли рассказы и стихи о войне членов объединения «Тайшет литературный», детей и подростков, принявших участие в ежегодном литературном конкурсе «Мои первые строки: Я – помню! Я – горжусь!», цель которого – выявление лучших творческих работ молодых авторов г. Тайшета и включение их в сборник, посвящённый 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Многие рассказы, представленные в книге, описывают реальные события, произошедшие с героями повествований.

Приятного вам прочтения!

Рассказы

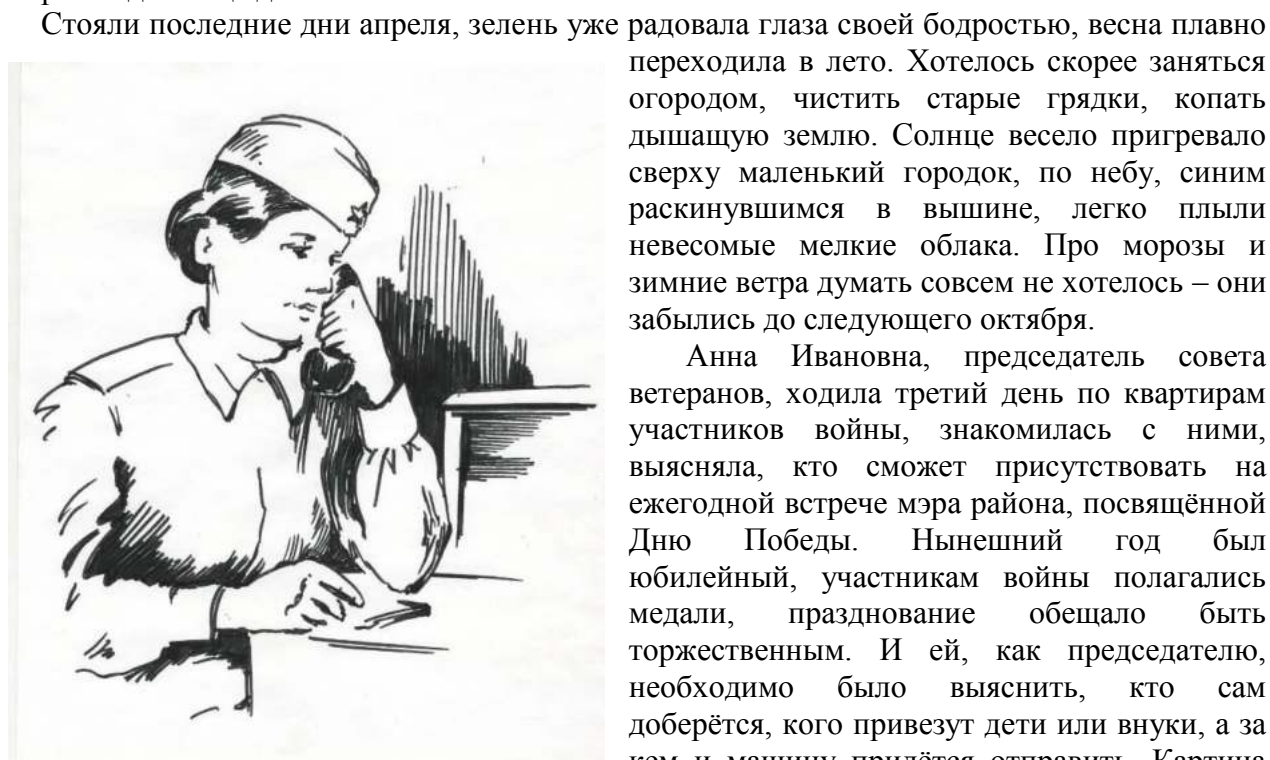

Надежда Дегтярёва

Юбилейная медаль

Рассказ

В списке оставалось ещё два адреса: Барбовой и Семёнова. Оба они были в старой части города и располагались по пути к дому, и Анна Ивановна надеялась посетить обоих ветеранов до конца дня.

Стояли последние дни апреля, зелень уже радовала глаза своей бодростью, весна плавно переходила в лето. Хотелось скорее заняться огородом, чистить старые грядки, копать дышащую землю. Солнце весело пригревало сверху маленький городок, по небу, синим раскинувшимся в вышине, легко плыли невесомые мелкие облака. Про морозы и зимние ветра думать совсем не хотелось – они забылись до следующего октября.

Анна Ивановна, председатель совета ветеранов, ходила третий день по квартирам участников войны, знакомилась с ними, выясняла, кто сможет присутствовать на ежегодной встрече мэра района, посвящённой Дню Победы. Нынешний год был юбилейный, участникам войны полагались медали, празднование обещало быть торжественным. И ей, как председателю, необходимо было выяснить, кто сам доберётся, кого привезут дети или внуки, а за кем и машину придётся отправить. Картина вырисовывалась мало радостная: многие участники войны уже не в силах были выдержать церемонию награждения, несколько человек были лежачие. Из тридцати человек по списку могли присутствовать только двенадцать... Да и сам список за прошедший год уменьшился почти в два раза... Вот ещё два адреса, и картина будет полной, завтра можно отдать список ветеранов в администрацию.

Условия жизни у ветеранов были разные: за кем-то родные приглядывали ответственно, уважая заслуги, в комнатках или домах было чистенько, уютно, да и дедушка был бодренький, бабушка активная. Родственники с удовольствием рассказывали про своего ветерана, было видно – стариков здесь любят. А было и так, что сжималось сердце от немощности человека, от застоялого запаха старости, от пыли на поздравительных прошлогодних открытках...

Анна Ивановна поднялась на второй этаж небольшого кирпичного дома, нашла квартиру, постучала. Лаем залилась собачка, судя по тьявканью – мелкая, но сторожкая. Дверь открыл мужчина, выслушал, пригласил в квартиру, крикнул:

- Мама, к тебе пришли из администрации поздравлять! – и скрылся в другой комнате.
- Я к вам, Вера Александровна! И не только поздравить, но и пригласить на торжественную встречу к мэру района.

– Ой, девонька, проходи, я сейчас!

Навстречу, наощупь касаясь стены, выглянула маленькая старушка. Незрячие глаза смотрели мимо Анны Ивановны, но лицо приветливо улыбалось.

– Прходи-ка, садись! Я сейчас вот приоденусь. Дай-ка мне халат со стены, который зелёный. Вот и славненько! Я-то гостей не ждала, сижу в рубашке, отдыхаю, как барыня!

Анна Ивановна присела на стул, представилась, объяснила цель визита. Вера Александровна направила рукой маленькую табуреточку, присела рядом.

– Не-а, я не поеду никуда! Что мне там слепой делать?

– Там концерт будет, послушайте, чаю с мэрмом попьёте! Мы вас увезём, привезём обратно.

– Да у меня голова от шума болит, меня и так вон по сторонам кидает! По голосу-то узнать не могу, не была ты у меня раньше? Дай я тебя потрогаю.

Бледная рука быстрым движением коснулась колена, пальцы пробежались по руке, плечу Анны Ивановны.

– Нет, я впервые у вас. Вот и давайте знакомиться. Расскажите о себе, где воевали, кем были на фронте?

– Да с чего начать? Я ведь не отсюда, я с Горьковской области, Ветлужского района. Это уже судьба меня закинула в Сибирь. А так-то я, где только не была! Война началась, я лишь на курсы медсестёр поступила. Я малё-о-хонькая была, метр с хвостиком. Повестка-то пришла мне в июне сорок второго, отправили на курсы радистов в сам город Горький. Медсестёр, говорят, хватает, а радистов мало.

Вера Александровна вытерла уголки выцветших губ, улыбнулась своим мыслям, вспоминая юность. Катаракта на глазах придавала её лицу странное выражение: смотрит и не смотрит. Рука всё также беспокойно бегала по руке Анны Ивановны, перебирала её пальцы, как бы боясь потерять собеседника. Сына в соседней комнате было не слышно. В комнате находилась кровать с тумбочкой, плательный шкаф, старый стол. Было чисто, скромно, без лишних вещей и украшений, ни картинки на стене, ни скатёрочки. Анна Ивановна достала авторучку и начала записывать рассказ Веры Александровны. Сначала просто для информации, а затем, увлекшись, подробнее. Она старалась записывать всё про фронтовиков, ведя своего рода архив. Уходили ветераны и память о них потихоньку стиралась...

– А на курсах радистов в первый день перед казармами построили нас в шеренгу, капитан и говорит: «Девушка с левого фланга, шаг вперёд!» Я вышла. Он меня осмотрел: «Птенцов таких куда шлют? Отчислить домой! Здесь нянек нет!» Я расплакалась: «На фронт хочу! Не отправляйте меня, я вырасту!» Тот грустно улыбнулся и сказал, если хоть одна тройка будет – отчислим. Так все шесть месяцев и проучилась только на четыре и пять. Потом воинская часть под Москвой, двадцать километров пешком шли, голодные, усталые. Солдаты нас оберегали, жалели. А я рада была, что не отчислили. И стала я служить в гвардейском краснознаменном ордена Ленина 3 отдельном дивизионе спецслужбы войск НКВД, часть спецсвязи секретного назначения, входила в состав 21 армии 3 Белорусского фронта Минского направления. Командарм Черняховский. Видела его лично, был у нас, спрашивал: «Как служитя, девчата? Как питание?» Красивый был мужчина, видный.

Руки у Веры Александровны перебирали подол халата, разглаживали его на колене, время от времени проверяли собеседницу: здесь ли сидит, не убежала ли? Анна Ивановна сначала косилась на её руку, затем засмеялась:

– Вот моё колено, держитесь! Я не убегу!

– А я ведь на фронте не курила! Давали нам сто грамм сахара на десять дней. А я махорку на дополнительный сахар меняла. Любила я сла-а-адкое! Не все выдерживали такую жизнь. В Горьком одна девчонка повесилась, другая в ухо ткнула шилом. Всё было! А я вот до Берлина так и дошла со своей частью. И награды у меня имеются, не только юбилейные! Помню нашего капитана Филатова, маленький такой мужичок, толстенький, в очках. Он мне приказ в ноябре сорок пятого подписывал, а сам ещё оставался служить.

После войны один раз даже виделись с ним, в году сорок седьмом. А потом уже судьба раскидала, не знаю, жив ли, умер ли.

Анна Ивановна записывала, удивляясь памяти девяностолетней женщины, её бодрости, живости. Надо же, и номер части, и фамилии помнит, будто вчера демобилизовалась. Все они, старики, живут уже прошлой памятью...

– Вы не устали? А то отвлекаю вас?

– Да ты что, девонька! Слушай, вот дальше-то что было!

– А в чём ваша служба состояла в спецчасти?

– Да немцев в эфире уничтожали! У нас машины были такие специальные, с глушилками и пеленгаторами. Вот мы и ездили по линии фронта, выслушивали, где немцы по эфиру что передают. Ой, раз побежала отнести донесение, мне надо было через просеку пробежать, а там немцы идут с автоматами, разговаривают, смеются. Я за берёзой сжалась, дышать боюсь. Стою и Бога молю, лишь бы не заметили! Мне бы птичкой пролететь, отдать документы, а там пусть и убивают! И контузили меня раз. Ехали по лесу, и попали под бомбёжку. Восемь девок было и капитан Гора. Я дальше всех отлетела. Валяюсь без сознания. Хорошо, фельдшер Надежда Ивановна успела крикнуть: «Подождите, дышит!» Потом очухалась. А вот ещё в Белорусском лесу, там деревня была вся сожжена. Мы подъехали к ней на трёх машинах, а от неё одни печные трубы торчат и больше ничего, тишина. Женщина, увидев нас, подошла, говорит, что всех убили, и даже детей всех перевешали. Рядом, мол, немцы, не располагайтесь надолго. А от деревни одна конюшня осталась. Мы там залегли, кроме меня ещё трое нас было в конюшне. Все москвички – Дора, Лиля, Вера. Вера так храпела! Мы в другой угол уползли от неё. А немец ночью на звук пришёл, штыком на храп тычет: «Мутер, брот, млеко!» Я как со страху закричала и в окно выпрыгнула. А немец испугался и в другое! Разбежались в разные стороны. Я прибежала к машинам, мы все собрались и быстро уехали. Да это уже когда мы фрицев гнали к границе.

Бумаги уже не хватало записывать, в ход пошла повестка дня от недавнего собрания, а речь Веры Александровны все журчала как ручеек, выбегающий из-под камушка. Уже и спина затекла у Анны Ивановны, пить хотелось сильно, но она боялась лишний раз пошевелиться. Только иногда направляла рассказ наводящими вопросами ближе уже к нашему времени.

– Что после войны делали? Замуж выходили? Дети, внуки?

– А я всю войну девочкой оставалась! Ни одного мужика к себе не подпускала. Не-а, конечно. Кто хотел, так соглашались, все тоже было, природу-то не обманешь. А я видно шибко маленькая была. Ко мне как к дочке и относились. Мне и хорошо было. Замуж-то я уже после войны вышла, в сорок девятом, осенью. Я уже тогда работала в рабочей столовой, село было недалеко от моего Ветлужского района, где я до войны жила. Саша мой красавец был, фронтовик тоже. Наград у него куча была! Вся грудь в орденах и медалях! Он у меня танкист был, горел не раз, но вот живой остался, чтобы на мне жениться. Это он так говорил мне, когда расписались! Сам из деревни соседнего района, домой как раз ехал со службы, да остановился воды попросить. А на другой день с другом заехал – посватался! Любовь с первого взгляда! Не просто так! Детей у нас долго не было, лет пять. Саша очень хотел ребёнка, всё переживал, что проклятая война перечеркнула его мечту. Даже разводиться уже хотел, сначала думал, что во мне всё дело. А мы с ним в поезде ребёнка взяли да сделали! Как он радовался дочери! Ну, мешок-то развязали – там вскорости и вторая родилась! А сына долго старались, лет через восемь после второй дочки получился. Это уже на целине мы жили. Да вот только не удалось мужу порадоваться на взрослого сына – умер мой Саша, когда Игорь только-только подрос, в школу пошёл – тут и военные раны дали о себе знать. Ведь он весь у меня был израненный, живого места нет. Такой был он у меня хороший, так его стало не хватать.

Слёзы побежали быстрыми капельками из незрячих глаз, находя дорожки среди морщинок на щеках, падали на старенький выцветший халат и терялись среди едва различимых цветочков... Вера Александровна промокнула глаза:

– Живу вот, живу. Уже девяносто отметила. Катаракта оба глаза мне ослепила, только и слышу звуки, да руками трогаю эту самую жизнь. А жить-то как хочется! Почти всю Россию проехала, сначала с мужем, затем за сыном. Сюда вот к нему приехала, дочки, те в Москве остались, вернее, в Подмоскowie. Я у них там не прижилась, стала не нужна. Здесь у сына в Сибири живу, а они лишь звонят. У сына мне хорошо, невестка не обижает, телевизор мне подарили, слушаю я его, когда не устала. Сын на пенсии уже, геологом всю жизнь проработал, да тоже беда с ним приключилась, мышцы застудил с нервами, группу ему дали. Не знаю, как правильно его болезнь называется.

Анна Ивановна поняла, что ей показалось странным во внешности открывшего дверь мужчины: смущённый вид, нелепые подергивания рук, мимика лица. Она тоже не знала, как называется болезнь, поэтому только вздохнула и сказала:

– Да, она не выбирает, цепляется ко всем. Мой вот тоже был на инвалидности, всю жизнь она ему перечеркнула...

И, чтобы не расплакаться самой, засобиралась домой:

– Ладно, Вера Александровна, пойду я. И вы устали, наверное, рассказывая. И так уже время прошло много. Задерживаю я вас.

– Да ты что, девонька! Я хоть выговорилась за эти годы! Тебе спасибо, что выслушала. Всю жизнь тебе рассказала! Поговорить-то сильно не с кем – сын плохо слышит. Ты заходи ещё как-нибудь!

Она нашарила руки Анны Ивановны, приобняла её, на секунду прижавшись худеньким телом, отстранилась и засмеялась:

– Уф, всё высказала! Извини, что не отпустила долго!

Спускалась Анна Ивановна по лестнице и думала: «Вот что сейчас надо фронтовикам? Пенсия хорошая, квартиры дали, медали вот юбилейные опять вручают. А вот пришла, выслушала её – так как будто рядом с ней по жизни прошла, войну её глазами посмотрела. Ей и радость. Нам же – память и наука. Любить жизнь у них, стариков, учиться надо. На таких стариках мир и держится. Молодые бы ещё ценили это. А вообще, придёт ведь скоро такой день, когда на свете останется последний фронтовик... И надо, чтобы к нему сам президент страны приехал и поклонился в ноги в память за всех воевавших...»

Анна Ивановна вышла из подъезда, вздохнула и улыбнулась: то ли себе, то ли всей жизни сразу.

А на улице солнце уже закатывалось за крыши домов, чтобы завтра снова пройти свой путь по небу.

Барбова Вера Александровна ушла из жизни 18 января 2018 года.

Новости Победы

Рассказ

Старик смотрел телевизор. Тот был большой, новый, необычно плоский. Звук был громкий, но так, чтобы соседи не стучали в стену. Когда старик получал квартиру, как фронтовик, сын купил заодно и этот большой телевизор непонятной марки – LG. Хорошо было раньше – «Рекорд», «Горизонт». А сейчас кто его знает, что обозначают эти нерусские буквы? Показывает ярко, громко – да и слава Богу.

Старик жил один. Жена умерла давно, видно, сказались последние тяжёлые роды третьего ребенка. Её спасли, а вот ребёнка откачать не сумели. Супружница после этого ещё пожила, конечно, да едва до семидесяти дотянула. Это он за девятый десяток перевалил, скрипит все ещё. Сын уехал в областной центр, поездом к нему целые сутки пилить. Когда старик был покрепче, он съездил к нему разок, да вот уже лет двадцать как никуда из своего

махонького городка не выбирался. Стал глухой, слабый, на улицу и то выходит очень редко, с помощью социального работника. Сын по возможности приезжает, да тоже, как сказать: то работа, то сам куда уезжает. Иногда его дети заедут, проведывают. В городе у него были родственники, дети брата, сами уже мужики в годах. Они и чаще бывали, и что где сделать – не отказывали. Летом даже на речку вывозили, ухой кормили. Устал там, правда...

Квартира была светлая, хорошая, да и этаж первый. Социальный работник – шустрая женщина Мария, приходила к нему утром, варила супчик, кашки, разговаривала с ним, убиралась в комнате. Потом сидела напротив и слушала, как он вспоминал свою жизнь, рассказывал стихи, которые в молодости знал, а сейчас они всплывали у него в памяти, иногда и не вовремя... Мария была хорошей, с ней он стал себя чувствовать лучше, бодрее, всегда ждал её прихода. Нежно звал Машенькой, говорил ей комплименты. Когда он уже не смог выходить на улицу, тишина и одиночество так стали давить на него, что он уже всерьёз подумывал наложить на себя руки. Тяжело было душе в четырех стенах. Спасибо вот, предложили ему со службы социальной защиты работника, хоть смысл появился его жития... Поговорить стало с кем...

Иногда она доставала по его просьбе коробку с документами, раскладывала на столе орден Красной звезды, медали, старые и юбилейные, удостоверения, справки. Самыми ценными были фотографии. Их было мало, здесь хранились снимки только военного времени, другие хранились в альбоме, большом и важном. На них он был красивым парнем, молодым, стройным! Бравый вояка! Одна была фотография, где он после госпиталя стоит в кальсонах, костыль под мышкой, с такими же бедолагами, как и он, худой, стриженный. Вид, конечно, ещё тот. Хорошо, что вообще жив остался. Это его тогда под Варшавой накрыло. Трех насмерть, а ему посчастливилось выкарабкаться. Мясорубка там была знатная. Как вспомнит, так нога, сложенная из кусочков, ныть начинает свербящей болью. Он и Победу встретил в госпитале, всё жалел, что до Берлина не довелось добраться, плюнул бы на ступеньки фашистского логова. На фотографии он был гвардии сержант Александр Петрович, Сашко, как звали его боевые товарищи. Отец его тоже воевал, но его на Курской дуге перемолот, лишь по кровавому куску гимнастёрке, в кармане которой лежала солдатская книжка, да по словам очевидца, определили факт его гибели... А то бы до сир пор числился без вести пропавшим...

Александр Петрович не обижался на свою жизнь. С войны пришёл битый, но целый, живой. После, в мирное время, работал шофёром, женился, дети родились, позже – внуки. Все путём, всё хорошо, грех жаловаться. Жену любил, бабёнок гладил (мужики в дефиците были, что ж поделаешь, ласки всем хотелось.) Ему, как фронтовику-орденоносцу, красавцу, трудяге и семьянину, вообще все двери были открыты, уважали его, кто знал. Сыны тоже получились brave, домовитые. Вот только сам сдал, доживал последние годы, и сам знал, что доживает... К этому относился спокойно, с той житейской мудростью, что отличает человека трезвого и умного от человека глупого, суетливого...

За окном стемнело, заснеженные ветки деревьев крестами перечёркивали тюль, искрились в свете проезжавших машин. Совсем недавно отшумел Новый год, люди втянулись в рабочие будни, спешили по домам. Под окном смеялись ребятишки, возвращавшиеся со школы, что-то кричали, толкались. Они не знали войны, голода, им было просто хорошо. Это и правильно, у детей должны быть друзья и детство. Это вот у него уже один друг остался – телевизор.

По экрану побежали кадры знакомой заставки информационной программы. Перед юбилеем Победы много было документальной хроники, тем более что открыли материалы военных архивов. Опять война, опять гибель наших солдат. И он с ними, молодой, красивый, бежит с автоматом наперевес, спотыкается о груды кирпича, врывается в разрушенные здания. Нет, на экране был не он, автоматчик, простой пехотинец, не он бежал и падал. Это он сейчас переживал, бежал, стрелял вместе с теми, кто в скупых отрывистых кадрах военной кинохроники освобождал Польшу. Спустя семьдесят пять лет, в далёком сибирском городке, это он вставал в один строй с бойцами, бегущими по экрану. Сердце колотилось от

воспоминаний, от жгучей болезности узнавания и переживания, от почти реального ощущения того боя. Закололо за грудиной, сжалось всё в мёрзлый комок боли. Александр Петрович пошарил по столику, нащупал приготовленную Машенькой таблетку, запил её остывшим чаем. Отпустило, но навалилась странная ватная тишина. Кадры на экране сменились. Сейчас там, на фоне флагов президент Украины и ещё какой-то мужик беззвучно что-то говорили, улыбались друг другу, в приветствии жали руки. Затем снова появился диктор, пошли кадры каких-то работ. То ли строили памятник, то ли ремонтировали, понять ничего было нельзя.

Фронтовик откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза, успокаивая дыхание. А на экране президенты Украины и Польши переписывали историю освобождения своих стран...

Я не люблю вспоминать войну...

Рассказ

В слесарно-механическом цехе шло торжественное собрание, посвященное Дню Победы. Сначала сам начальник цеха поздравил коллектив с праздником, парторг выступил с коротенькой речью, затем, как полагалось, выступил ветеран войны.

Крепкий ещё мужчина из технического отдела, или, как говорили, из конторы, вышел на середину пятак перед рабочими. На его сереньком пиджаке поблёскивали медали, значки. Возбуждённо размахивая руками, он стал рассказывать, как попал под артобстрел, когда его

вели на фронт, как проходил его первый бой, как его ранили, слава Богу, не слишком тяжело, но госпиталя ему избежать не удалось. Рабочие сидели кто на ящиках с заготовками, кто за столом, где в обед стучали в домино, некоторые стояли около своего станка, облокотившись для удобства. Передние слушали молча, внимательно, а кто был подальше от выступающих, уже и покуривали потихоньку, переговаривались шёпотом: ежегодные собрания мало чем отличались друг от друга, да и этого выступающего они слушали года два назад с этой же историей.

Технолог Лида, симпатичная девчонка, приехавшая на завод по распределению после окончания института, слушала внимательно. Ей, активистке и комсомолке, всё было интересно, всё в новинку. Она гордилась тем, что она – молодой специалист с высшим образованием, имеет важную должность. Поглядывая на рабочих, она заметила шушуканье слесарей-сборщиков во главе с Володькой Арсентьевым. Володька был старше её лет на пять, был красив и поглядывал, что уж там скрывать, на Лиду, когда она пробегала по цеховым делам мимо. Но сейчас тема собрания была серьёзная, совсем не время и не место для ухмылок. И Лиде стало обидно за выступающего: в конце концов, он действительно проливал кровь за нынешнее мирное небо. Для неё это были не красивые слова, для неё эта была жизненная правда: она хоть и родилась в пятидесятом, после войны,

но её отец, получивший многочисленные раны на фронте, умер рано. Она его не помнила совсем, не могла гордиться отцовскими руками, подкидывающими её в небо, помогающими что-то ей мастерить, а мать мало что рассказывала, вернее, вообще не рассказывала про отца, видимо, были на то причины. А жить без отца Лиде приходилось трудно. Тоскливо, с тихой завистью глядела она на отцов подружек, пусть раненых, увечных, но всё-таки живых...

Собрание закончилось, все дружно похлопали выступающим, радуясь и окончанию мероприятия, и предстоящим праздничным выходным. Цех быстро опустел, погасил свои огни и приготовился к дрёме на все заслуженные выходные.

«Ладно, я ещё Арсентьеву выскажу после выходных!» – подумала Лида, идя домой.

В понедельник она подошла к Арсентьеву и, глядя непримиримо в ярко-синие Вовкины глаза, выпалила:

– Я считаю, что ты вёл себя на собрании безответственно! Как можно так неуважительно относиться к ветерану?

– А за что я его должен уважать? – Вовка и не стушевался перед натиском девушки. Он даже с любопытством уставился на неё: как она отреагирует на его слова?

– Как это – за что? Да за то, что ты сейчас мирно живёшь! – Лида от возмущения даже стала немного заикаться.

– Да я и не спору, что он был на войне! – Арсентьев пожал мощными плечами. Он откровенно любовался Лидой, но уступать в словесном споре явно не собирался. – Многие воевали, но почему он каждый год одно и то же рассказывает? Ты этого не знаешь? А мы знаем! Его забрали в армию в конце сорок четвертого, пока обучили, пока довезли до границы, до фронта – война уже заканчивалась. По дороге эшелон под обстрел попал – видишь, факт какой красивый! А в первом же бою его ранило. Ты его спроси, куда! В задницу! Осколок шальной залетел. Но ранение есть ранение. Вот и кончилась его война. За тот бой многих награждали – и ему медаль дали. А послушать его, так будто он один войну выиграл!

Лида растерялась. Впервые она столкнулась с такими откровениями, далёкими от красивых книжных фраз. Впервые ей рассказали про другую сторону жизни, и этого рассказа не было в учебниках истории...

– Но ведь у него же есть награды... – растерянно пролепетала она, не желая мириться с поражением.

– Да это у него всякие юбилейные медальки и значки! Многим воевавшим дают к разным датам. Просто он всегда и везде лезет выступать. А как же – ветеран! Красиво говорить умеет! Словоблуд просто!

– Но всё равно так нельзя! – Лида почти сдалась. – Война – это же святое!

– Согласен – святое! Ты вон подойди к нашему участку, Виктора Ивановича Быстригина знаешь? Ты его про войну спроси. У него медалей и орденов полведра! А он скромно всегда сидит в стороне, не хвастается!

Лида знала Быстригина. Виктор Иванович был, конечно, мужчина в возрасте. Невысокого роста, но крепенький, немножко огрузневший, но подвижный, с кустистыми бровями. Он не лез к Лиде с расспросами, как многие другие, не шутил, был всегда в своих думах, делах. Если что-то говорил по работе, то немногословно и кратко. Долго Лида не знала, как заговорить. Не подойдёшь же к человеку, не брякнешь в лоб – расскажи! Но и не могла бросить эту затею, ей хотелось выяснить до конца, кто всё-таки прав: она или Арсентьев. А может, он просто сочинил всё? Хотя, навряд ли...

Лида смогла завести разговор через неделю. Сначала заговорила про оснастку, а затем спросила про шрам на руке:

– А это что у вас за шрам?

– Да так, мелочи, – отмахнулся старый слесарь.

– Это у вас с войны? – Лида решила говорить напрямую. – Вы же воевали? А почему вы не выступали на собрании, не рассказывали про войну? – спросила Лида

– А что про неё рассказывать? Что в ней хорошего? – дёрнулся Иванович, нахмурился и стал тщательней вытирать руки. – Лучше вам про неё ничего не знать и никогда с ней не сталкиваться! – уже даже с раздражением ответил мужчина.

– Вы не обижайтесь, пожалуйста! Просто я узнала, что вы воевали, а никогда не рассказывали, как и где.

– Воевал. Все воевали, и я тоже. – Задумался Виктор Иванович, вспоминая что-то своё. Полез за папиросами в карман, закурил, даже не извиняясь за дым, глаза его погрузнели. – Страшная эта вещь, война! Дай Бог тебе её не испытать, дочка! Тебя вот она коснулась даже и после Победы...

– Да я понимаю, что страшная. Читала, фильмы видела, – Лида даже не обратила внимание на дым, она ждала. Чувствовала, что бывший солдат сейчас может разговориться.

– Да в книгах и кино не показывают, что мы там, в окопах, пережили... В кино всё красиво, а по-другому и нельзя снимать.

– А вы кем воевали?

– Кем воевал? – усмехнулся вопросу Быстригин. – Всем. Куда пошлют. Мы же не выбирали. Приказ – и пошёл, побежал.

– Дядя Витя, – перешла почти на просящий тон Лида, – расскажите! Я про отца ничего не знала, так хоть вас послушать.

– Тяжело это! Разбередила ты мою душу!

Быстригин задумался, машинально теребя ветошь в руках и вытаскивая из неё какие-то ниточки. Он действительно не любил вспоминать войну, очень редко что-нибудь вырывалось у него про те годы. В своей бригаде он единственный раз выплеснул наболевшее, да и то потом взял слово с мужиков помалкивать. Видно, всё-таки кто-то проговорился, если эта девчушка подошла к нему с таким разговором. Он вспомнил, как сыновья-погодки, не видевшие его все военные годы, в первый момент встречи чурались, прятались за мать, и только потом освоились, повисли на нём, прижавшись худенькими малосочными тельцами к жёсткой гимнастёрке. Ему показалось, что и сейчас он ощутил биение их сердечек, как тогда...

Они не замечали, что рабочее время заканчивалось, и все, косясь на них, проходили в раздевалку, но, видя их серьёзные лица, не окликали, не шутили.

– На войну был призван из деревни, сибиряк я. Образование – четыре класса, в семье детей полон двор, пришлось рано идти на заработки. При конях я был пацаном, вот на войну прямо так с конюшни с лошадьми и забрали. Пушки таскали да груз возили на передовую. Потом стрелком. Крестьянская жилка крепкая – выдюжил даже рядовым пехотинцем. Пехоте вообще страшно доставалось. Знаешь, как нас звали? Мясо. Грубо, цинично, но, когда пройдёшь мясорубку боя, понимаешь: точнее не скажешь. Когда из окопа стреляешь или в толпе таких же пацанов бежишь в атаку, орёшь матом, ошалевший и от страха, и от злости, ещё как-то врага не видишь. А вот в рукопашной... Верить, до сих пор ночью слышу хруст челюсти немца, первого, мною убитого... А он ещё так на моего дядьку был похож... Думаешь, ему эта война была нужна? Думаешь, что он или я хотели быть убитыми? А тут – кто кого... Мы-то хоть своё защищали... А про жизнь в окопах много и говорить не буду. Зимой, было дело, живьём замерзали, и сутками голодом сидели, прижатые огнём к земле, да и неразберихи в войсках тоже было достаточно...

Быстригин достал вторую папиросу, нервно прикурил, разогнал рукой дым, синевато ползущий вверх, немного помолчал. Затем заговорил снова:

– Уже в конце сорок второго меня в разведку забрали. Я же охотником с малолетства был, в деревне все стрелки и рыбаки, иначе не проживёшь. Пригодилось. За меня, видно, мать молилась крепко, сильно не задевало меня, не увечило, так лишь, по мелочи. Хотя молились-то за всех, да не всем везло. А уж смерти насмотрелся во всяких вариантах... Как только сердце не разорвалось от всего пережитого... Не буду уж тебе подробности описывать. Война – это вообще самое грязное и страшное дело. Я уже был бывалым воякой, а когда увидел мёртвого ребёнка, девочку лет десяти от силы, танком раздавленную, меня

так хлопнуло, что сорвался я, заорал, не помню уже что, рванулся куда-то, руками, зубами готов был рвать фашистов. Ребята поймать успели, связали меня, сначала просто рот заткнули, потом из фляжки плеснули, удержали. Мы как раз в рейде были, за языком шли. Мог всю операцию сорвать. Хорошо хоть немцы далековато были, не услышали. Видишь вот, столько лет прошло, а слёзы сами побежали... Извини, больно до сих пор...

Виктор Иванович вытер набрякшие глаза, затушил окурок. Запустил руку в свои волосы, потербил чуб, седой и поредевший.

– Я не дошёл до Берлина. Увидел только краешек Германии, а всё хотел посмотреть, где такие нелюди родились. Мамок их увидеть, глаза их. Наверное, их глаза не такие, как у наших матерей. Да не довелось. Возвращались из разведки, пятеро нас было, «языка» тащили. Да напоролись на немцев. Откуда этот разъезд их вырвался? Уже чуть-чуть до своих оставалось... Меня первого ранило, почти под сердце пуля попала. Семён меня на себе поволок, мы с ним больше года вместе отслужили, ближе брата был. Была ещё надежда, что прорвёмся. Я-то без сознания был, мне потом ребята рассказали. Семён, уже падая убитым, меня собой прикрыл. Изрешетили его всего, да и меня ещё пару раз зацепило. Остальные тоже там остались лежать... вместе с немцем... Через сутки, после атаки, погребальная команда собирала трупы. Меня поволокли, а я очухался, застонал. Видно, жить хотел. А потом лазареты. Долго валялся, но выкарабкался. Комиссовали. А там и Берлин наши взяли. Уже вон тридцать лет прошло, как война закончилась, а, знаешь, до сих пор она снится, до сих пор Семёну затяжку оставляю... И плачу...

Тихие слова не нарушали тишину цеха. Молчаливо, тёмными обелисками стояли станки, будто притихшие от услышанного. Притихла и Лида, боясь спугнуть воспоминание лишним движением или звуком. Иванович потербил ворот рубашки, взглянул на девушку:

– Пошли домой, дочка! Поздно уже. Меня дома потеряли, наверное. Да и тебе пора, кавалеры ждут!

– Дядь Вить, а наград у вас много?

– Да есть, лежат у жены где-то на сохранении!

– Какие?

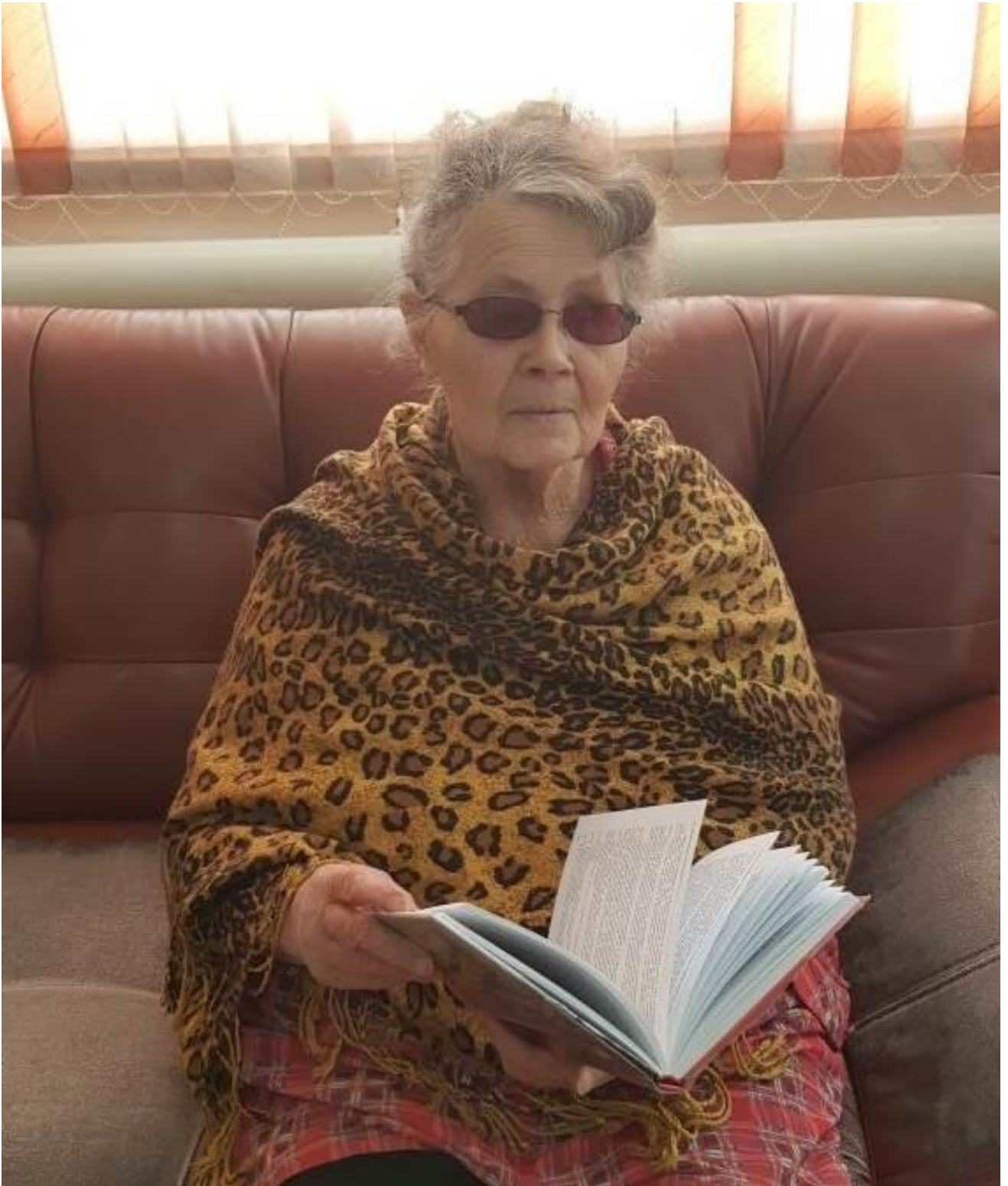
– Всякие. Лежат да лежат. Что награды – металл. Плата за жизни солдат. Вот если бы убитых можно было вернуть... Всё, хватит. Пошли домой. И так сердце уже хватает.

– Виктор Иванович! А почему вы не рассказываете про войну?

Быстригин опять замкнулся в себе, отвернулся и молча пошёл через цех. Лида, стараясь не отставать, заторопилась за ним. Уже перед тем, как зайти в раздевалку, Быстригин оглянулся, посмотрел на Лиду:

– Тяжело. Больно. Сердцу, душе

больно. Я вот с тобой поговорил, редко кому так рассказываю, и будто заново пережил тот ад. Заново похоронил друзей, заново увидел Семёна. И ту девочку... Вот поэтому, дочка, я и не люблю вспоминать войну...

Галина Елисейкина

Живу и помню

Рассказ

У войны разные лица. Женщин, провожающих мужей. Матерей, ждущих сына спустя и десять лет, как кончилась война. Детей, потерявших детство. Оно было расстреляно войной. Дети войны. Мы, естественно, не были на фронте, но воздухом войны дышали.

Ощущение детства... Оно приходит к нам много позднее, когда до боли сердечной нам начинает этого не хватать, когда ностальгически тянет в места детства и юности, где и начинало формироваться наше чувство Родины как чего-то родного, близкого, неосознанно любимого. Кажется, не было столько счастья и радости, как в те далёкие, незабываемые дни, несмотря на весь тяжёлый быт войны.

Как точно сказал об этом поэт Алексей Баруздин:

Радости и невзгоды
Жизнь выдаёт сполна,
Но тянет меня в те годы,
Хотя всё дальше война.

Откуда же эта ностальгия? Почему жестокие, кровавые, смертельные годы войны многие участники её вспоминают со светлым чувством? Почему враз осиротевшие, оставшиеся в тылу родные о годах усилий и хлопот в скучной борьбе за бытие говорят с трепетом и теплотой?

... Лето 1941 года началось тревожное, ходили слухи о войне. Рано утром родители ушли на работу, на авиационный завод, дома остались соседка-бабушка и я. Неожиданно вернулись родители. Отец тихо произнёс: «Вы слышали? Война?» Включили радио. Там пели: «Если завтра война... – так мы пели вчера, а сегодня война наступила...»

Я, естественно, не представляла себе, что это такое, но по общей тревоге, волнению поняла, что произошло что-то непоправимое.

Не понимала я, что с этих дней беды обрушатся на нас стеной.

В те суровые дни многие заводчане надели солдатские шинели. В августе 1941 года в числе 80 добровольцев уехал на фронт и мой отец. Запала в память сцена прощания родителей. Заливаясь слезами, мама обхватила отца руками, гладила его и о чём-то горячо умоляла. Высокий, худой, в хлопчатобумажной гимнастёрке, в пилотке на голове, отец прижал маму лицом к пуговицам у себя на груди и поверх её головы смотрел перед собой. И такой был у него взгляд, словно там, куда он глядел, видел уже всё, что её ожидает.

Всё, чем и как мы жили в дни войны, навсегда врезалось в память. Прикасаясь к воспоминаниям, – содрогаешься от горечи пережитого, от величия совершённого подвига.

Разве забыть хоть один день войны? Разве забыть, какой чёрной бедой входили в большой пятиэтажный дом похоронки, и женщины, не успев оплакать погибших, уже шли на авиазавод на работу. Забыть ли вкус картофельной шелухи, голодные глаза взрослых и детей? Забыть ли чадный свет коптилок, жалкие обноски вместо одежды? Забыть ли?.. Забыть ли?..

Но с каким мужеством иркутяне боролись с лишениями! Каким душевным единением встречали трудности!

Жили трудной жизнью, довольствовались малым. Как в анекдоте, который был в то время: «у нас даже много счастья, и мы испытываем его искренне, если горит керосинка, если выкупить паёк хватило денег».

В конце 1942 года резко уменьшились нормы выдачи продуктов. Не стало голубей. Незаметно с улиц стали исчезать кошки и собаки.

... Поздний вечер. Я одна в комнате, мама ушла на завод: у неё ночная смена. Смотрю на стол. На тарелке – тонкий, вполсреза ломтик чёрного, липкого, но такого желанного хлеба. Очень хочется его съесть. Сглотнув слюну, отдёргиваю руку, удерживает мысль, что «утром мама принесёт пол-литра молока, которое ей положено за вредность на производстве, с молоком будет вкуснее». С этой мыслью и засыпаю.

Чтобы одолеть голод – сажали огород. Каждый кусочек земли становился овощной грядкой или картофельным полем. Индивидуальное огородничество росло год от года. Завод помогал, чем мог: выделялись участки земли, на страницах заводской газеты печатались советы, как достичь высокого плодородия, в Доме культуры устраивались выставки урожая, были организованы бригады по ловле рыбы, заготовке ягод, грибов, охотничьи бригады.

От постоянного недоедания при непрерывной тяжёлой работе появились грозные признаки дистрофии. И завод принимает меры по поддержанию здоровья заводчан: круглые сутки работает столовая, где выполняющие срочную работу получают горячее питание – суп с ржаными галушками; открыта диетстоловая для ослабленных. Многим рабочим восстановил и поддержал здоровье заводской дом отдыха, расположенный недалеко от Мегета.

Тысячи километров легли между Иркутском и фронтом. Не верилось, что где-то и не так уж далеко – война. Рвались бомбы, гибли люди. Обваливались и горели дома. Земля – в глубоких шрамах от резавших её лик танковых гусениц, в зияющих ранах – воронках от снарядов. Но она и здесь, в Иркутске подаёт свой голос.

Летом сорок второго года в городе появляются эвакуированные. Сначала они были в новинку. К чести жителей – иркутян – некоторые разбирали приезжих к себе по домам прямо с вокзала.

Но далеко не все сибиряки принимали эвакуированных так сердечно, как об этом рассказали потом писатели-лауреаты. Далеко не все эвакуированные соглашались понять, что принесли с собою большое стеснение местному населению. Те и другие предпочитали предъявлять права. Приезжие были в тягость местному населению, потому что вызвали перенаселённость, дороговизну, опустение магазинов. Даже не вызвали, а лишь усилили, и местные винили в этом эвакуированных.

Но долгие, напряжённые, ежечасные размышления, беседы – о войне и победе, тревоги и надежды сближали всех. Утром, ожидая первую радиовесть, вместе стояли под репродуктором, как на молитве.

Сажали-сеяли вместе, подписывались на заём, собирали вещи для фронта. Жили сводками, слухами, письмами, разговорами, вестями о фронтах.

Ради весточки с фронта караулили у подъезда почтальоншу Полину. За эти годы письмоношества она обратилась в ходячий, и даже неограниченный источник информации, от неё почти все горожане знали и военные новости, и особо – беды и радости каждой семьи, связанные с фронтом. И это не расценивалось как недостаток, как склонность разносить толки, слухи, напротив, ей это не только прощалось, но даже возвышало её в людских глазах: она как бы делала всех соучастниками и сопереживателями военной страды, помечавшей людей то здесь, то там бедами и несчастьями. А на миру, как известно, их легче сносить – такова уж природа человечья.

В часы суровых испытаний люди как-то сближаются, чувствуют острее чужую боль и всем сердцем отзываются на неё.

Нет семьи, которой бы война не коснулась каким-то своим краем, сколько жизней унесла, сколько сирот и вдов оставила после себя, инвалидов.

Иногда, когда мама работала в дневную смену, она оставляла в очереди за хлебом меня. В ожидании хлебозовки, устав обозревать витрины магазина, я выходила на улицу, где шла своя, совсем другая жизнь. Многие инвалиды целыми днями проводили здесь время. Безногие сидели прямо на земле играли в «орлянку», «колечко», «верёвочку», что-то меняли из-за пазухи, жили одним днём. Вот один из них, зажав в синих култышках рук вскрытую пачку папирос, трясся, торговал поштучно.

Иногда они меняли места, и их можно было увидеть у других магазинов, у пивных, на рынках.

Рынок – это горькое порождение войны с её нехватками, дороговизной и бедностью – тоже был пристанищем инвалидов. Здесь из-под полы торговали хлебом и водкой, лекарствами. А рядом, на брезенте – книги, картины, альбомы, много старинного фарфора, серебряной посуды. Здесь торговали всем, чем можно было торговать. Небритые ловкие и разбитные парни, носившие солдатские шинели с чужого плеча, могли сбыть и перепродать, что угодно. У самого забора сидел слепой аккордеонист. В чёрной глубине глазниц – навсегда слипшиеся веки.

Грустную мелодию аккордеониста перекрывали назойливые грубые голоса спекулянтов: «Коверкот, шевиот, бостон, сделайте костюмчик – танцуйте чарльстон. – Кто забыл купить пальто, сорок восьмой размер? – Костюм, костюм!.. Смотрите, пожалуйста. Двубортный, на шелку».

Своей накалённой возбуждённостью и пестротой рынок вызывал во мне раздражение и одновременно острое любопытство.

На раскладном стульчике сидел парень-инвалид, рядом с ним лежали костыли. Он ловко и быстро перебирал колоду карт, метал карты на брезент, приглашая к себе хрипловатой скороговоркой: подходи, однополчане, фокусом удивлю, много не возьму.

Быт военного времени был отмечен заботой о раненых. Недалеко от нашего дома в школе № 43 был расположен госпиталь. Мама иногда брала меня с собой после смены на

заводе, она ухаживала за ранеными, стирала и штопала бельё. Почти все палаты были заполнены ранеными. И запах был здесь особый: запах лекарств, госпитальной еды, плохо проветриваемого помещения, где постоянно дышит столько больных людей.

С неясным для себя любопытством я приглядывалась к раненым. Многие давно уже лежали здесь, и школьники приходили в гости к ним: читать вслух книги, писать письма за тех, кто сам не мог по ранению.

Медсестра ходила от кровати к кровати, кому промокала бинтом лоб, лицо, кому-то поправляла повязку, подбинтовывала. В углу палаты – голый по пояс раненый, поддерживая одну руку своей другой рукой смотрел, как сестра вытягивает пинцетом у него из локтя, из чёрной дыры, пропитанный коричневым бинтом. Однорукий раненый лёг поверх одеяла, с трудом уложив себя по частям: руку раненую, ногу, пробитый бок. Другой раненый, прижав к животу забинтованную руку, раскачивается взад-вперёд, словно ребёнка качивает. Недалеко от него сидел спеленатый бинтами тяжелораненый: обеих рук у него не было выше локтей. По коридору от окна к окну переходил одноногий санитар, постоит, примерится, вынет гвоздик из-под усов и, потихоньку постукивая, вобьёт в подоконник сбоку и подвесит на гвоздь бутылку. Потом, уминая негнушными пальцами, прокладывает по подоконнику фитиль из бинта, чтобы вода, натаившая со стёкол, текла не на пол, а по фитилю сбегала в бутылку. Недавно он тоже отлежал здесь свой срок, выписался, а ехать некуда, так в госпитале и прижился.

За обеденным столом под электрической лампочкой на ощупь брился слепой раненый. Нащупывающими движениями он нашёл на столе помазок, намылил щёку, его сосед по палате окупал бритву в стаканчик с мыльной водой, осторожно орудовал опасной бритвой, подбривал ему виски.

Некоторые раненые стоят возле окон, наблюдают, как мимо госпиталя шагают в баню курсанты пехотного училища. Раненые улыбаются, словно в прошлое на самих себя глядят.

Рядом в операционной шла операция. Там ярко горел свет, на матовом стекле возникали силуэты.

В госпитале время тянется медленно. Для тяжелораненых самые трудные часы – ночью, для выздоравливающих самое тягостное время – вечер. Чтобы время убить, в палате как всегда после ужина играли в шахматы. В другом конце постукивали костяшками домино. Когда уже все лежали по кроватям, говорили о раненых – кто как при каких обстоятельствах был ранен. И конечно, мечтали о победе.

И вот он настал День Победы! Будто и солнце зажглось мощной радостью, день выдался тёплый и солнечный.

Весть о победе пришла утром. Те, кто закончил ночную смену, и те, кто шёл в дневную, слились в единый ликующий поток. Наверное, это был единственный в истории авиационного завода день, когда в цехах не осталось никого – все вышли на площадь перед заводом. Появились знамёна, лозунги, плакаты. Из всех домов авиагородка на улицы высыпали сотни иркутян. Никогда не забыть этот день, эти радостные возгласы «ура», аплодисменты. Люди целовались, пели, танцевали, плакали, и все казались родными друг другу.

Оркестр играл на площади, возле временной трибуны, смастерённой на стареньком грузовике, затаянном по откинутым бортам красным сатином. В короткие перерывы между маршами и вальсами репродуктор с крыши заводской столовой настойчиво и басовито приглашал на митинг.

Сюда, к трибуне прошли руководители завода, поднялись в кузов, стояли и ждали, пока люди сходились к площади, уплотняя со всех сторон задние ряды.

Наконец директор авиазавода Виктор Иванович Абрамов отмахнул рукой оркестру, ступил к краю грузовика и заговорил:

– Сегодня у нас необыкновенный праздник! Со счастливым волнением, распахнутыми сердцами мы встречаем вас, земляков-фронтовиков и героев невиданной в истории

Отечественной войны. И говорим – добро пожаловать с великой победой! Добро пожаловать к мирному труду, привычной для вас работе!

Закачалось людское море, загудело, загремело новым взлётом «ура».

Виктор Иванович ещё долго говорил о тыловых делах, о героизме «гвардейцев тыла», об отцах, братьях, жёнах, сёстрах фронтовиков, – называл фамилии, цифры трудовых побед, вспомнил и тех, кто, вернувшись ранеными, довершал победу на тыловом фронте. Ликующими кликами, взрывчатым «ура» встречали площадь каждую фамилию, каждый пример успехов в цехах авиационного завода. После он закруглился, возгласил здравицу в честь победы, героев-фронтовиков, всего народа, «воина и творца».

А праздник, между тем, гулял, набирая и дальше силу, ширился, перекидываясь с заводской площади на улицы города, кипел и бурлил с новой силой. Радость было всеобщей, касалась каждого; смахнув слезу, даже те, чьё сердце ожигало горячей, не угасавшей памятью, включались в атмосферу торжества: ведь окончилась война, явилась столь трудная и долгожданная победа. Начался отсчёт мирному времени.

Владимир Рапацевич

Ночь коротка

Рассказ

1. Июнь 1974 г. Сентябрь 1946 г. Иркутская область

Эта ночь на 16 июля снова была бессонной. Также, как и годом раньше, Леониду Петровичу не спалось. Долго лежал, ворочался, потом встал, вышел покурить на крыльцо. Сидел на ступеньке и слушал тишину, пуская дым тонкой струйкой. Встала жена, вышла посмотреть, в чём дело, может, что случилось, но тот отослал её в дом. Всё, мол, нормально, посижу, подышу воздухом. Серафима привыкла к настроениям мужа, понимала, что, наверное, есть на то причина, и в душу не лезла. Захочет, расскажет сам.

С мужем Серафима прожила в законном браке уже почти тридцать лет. Сказать, что вышла замуж по большой любви, нельзя. Леонида она почти не знала, хотя были они родом из одного села. Только была она на несколько лет младше будущего мужа, и когда того призвали на службу в РККА, ей шёл всего тринадцатый год, и помнила она его плохо. И вот когда в сентябре 46-го Лёня вернулся в родное село, вся грудь в орденах и медалях, за плечами две войны – отечественная и японская, да ещё бои у озера Хасан в 39-м, для неё он был совершенно незнакомым человеком.

Прошло два дня, и в субботу вечером Леонид пришёл на танцы, все девчата конечно взгляды на него – герой, но это с одной стороны, а с другой – староват уже, 26 лет стукнуло. Серафиме Леонид приглянулся. Вёл себя скромно, однако колкости острых на язык подружек Серафимы достойно отразил, и геройством своим не козырял. Когда танцевали «шестёрку», то Ленька отсиживаться в сторонке не стал, а подхватив под руки соседских двух сестёр Марусю и Валентину, смело выступил к противоположной «тройке» – молодому Сашке с двумя самыми бойкими деревенскими девчатами, которым соперников в деревне не было, трудно тех было переплясать. Серафима сидела с подругами на лавочке у сельсовета, а большинство девчат и ребят располагались на сложенных рядом бревнах. Большая поляна служила местом гуляний молодежи, в теплое время года. Также над входом в учреждение лампочка в сорок ватт, прикрытая небольшим абажуром из жести, была очень кстати. Здесь же с гармошкой расположился и гармонист Степан, вернувшийся в 44-м с войны на костылях. Несмотря на это, сразу женился. Сапожничал, мог и пошить шапку или тулуп, а по ночам сторожил, как раз в этом же сельсовете...

...Все с интересом наблюдали, как две тройцы поочередно друг перед другом отплясывали – в центре парень, а девчата с двух сторон, с косынками в руках выделывали разные коленца, выступив вперед, а затем с визгом и гиканием, отступали назад. Леонид со своими девчатами не поддавался, хотя те уже покраснелись, а у Леньки гимнастерка на спине потемнела от пота. Серафиме очень захотелось, чтобы «новенький» не ударил в грязь лицом. Они и не уступили. По общему мнению, получилась «ничья».

Затем пляска сменилась танцами под патефон, пока Степан с ребятами покуривал за бревнами, по очереди прикладываясь к поллитровке с мутноватой жидкостью. Откупоренная газетная пробка лежала на бревне рядом с парюю солёных огурцов. Выпили, закусили, давай петь песни под Стёпкину гармошку. Потом снова танцевали.

Несмотря на то, что на Леньку многие девчата «положили глаз», провожать до дому он повел Серафиму. До этого пригласил её на танец, а потом изредка поглядывал в её сторону. Серафима одета была бедновато, и вместо туфель на ногах были самодельные чирки, но

когда тебе всего двадцать, то красоту молодого тела не спрятать даже за невзрачной одеждой. А жила Серафима бедно. Родителей раскулачили, когда ей было десять, а её братишке всего четыре года. Старшая сестра к тому времени вышла замуж и уехала с мужем в Иркутск, другой сестре было лет четырнадцать. И хотя их семью не выслали, но дома не осталось почти ничего кроме голых стен. Мать вскоре заболела и слегла. А через год её схоронили в «березнике». Так называли между собою сельское кладбище местные жители. Хлебнула семья Серафимы нужды полной ложкой. Когда началась война, отец тоже заболел. Сестру Марусю по знакомству удалось пристроить в поселок в 20-ти верстах в ремесленное училище. Там её кормили и одевали, а потом дали работу в оборонном предприятии. А вот Серафима с четырнадцати лет стала работать в колхозе. Отец слег, но хотя бы присматривал за младшим Ванькой, а когда похоронила и отца, пришлось совсем туго. Но силы хватило, да и люди помогли. Смогла Ванюшку поднять и даже окончил четыре класса школы. С весны Ваня и в поле подпаском, а потом на сенокосе, и на конных граблях, и на сеялке весной и на току осенью. Один раз Ванюшка попал под конные грабли, чудом живой остался, только руку зашивать пришлось. Уснул и скovyрнулся с сидения под стальные прутья...

Леонид проводил Серафиму до калитки и на прощание, задержав её руку в своей, сказал: – Завтра приду свататься. Выйдешь за меня?

Серафима вспыхнула вся, и ничего не ответив, бросилась за калитку, забежав на крыльцо, прижалась спиной к дверям. Сердце гулко стучало в груди.

Леонид негромко окликнул:

– Фима! Я завтра приду! Слышишь?

Серафима хлопнула дверью, но только для вида, а сама осталась у дверей, ждала, когда уйдёт. Хотя Леонид ей и приглянулся, но такого поворота событий она никак не ждала.

Леонид ушел, а она еще долго сидела на крыльчке, пока осенняя прохлада не пробрала её. Думала про себя:

– Вот дура, надо хоть было что-то сказать! Обидится теперь. Наверно не придёт. Точно не придёт!

Но вечером следующего дня Леонид пришёл. И не один, а с дедом Афанасием и бабой Любой. В деревне их звали по-простому – дед Апанас и баба Медведиха, изменяя имена и фамилии на деревенский лад. Родителей не стал звать на сватовство. Решил, что старики для этого тонкого дела лучше сгодятся.

Серафима с Ванюшкой только-только собирались поужинать. На столе вареная картошка да солёные огурцы. Хлеба в тот вечер не случилось, но гости пришли не с пустыми руками. Леонид извлек из-за пазухи шинели завернутую в холстину половину хлебного каравай, а из карманов бутылку вина, и банку консервов. В отдельной тряпице оказалось несколько кусков колотого сахара.

– Ну вот, мы вовремя оказались! – Леонид ловко вскрыл консервную банку трофейным складным ножом, и принялся нарезать хлеб. – Доставай посуду, хозяйка.

– Ну, хозяева, – обращаясь главным образом к Ванюшке и Медведихе, дед Апанас хитро прищурил левый глаз, – ваш товар-то мы знаем, на глазах выросла, а вот и купец подходящий нашёлся. Все при нём! А на грудях, так целый иконостас! Герой!

Несмотря на то, что Медведиха была Леониду родной бабушкой, здесь она выступала наоборот, как близкая родня Серафимы, так как с её стороны это сделать было некому.

– Ай, многа вас охотникав до нашева товара! – ввязалась в нарочитый спор бабка Медведиха, – У нас вон глянь, маладая да красивая, а работящая! Вон глянь, Ваньку вырастила, ишь какой брат вымахал, самаво яво скоро сватать будем! Правда, Ваньк!

Медведиха говорила ярким белорусским говором, налегая на букву «р». Ванька покраснел, и потихоньку отодвинулся на всякий случай подальше от острой на язык бабушки.

– А ваш купец вже староват чтой-та? А можа у няво в каждом гораде нявеста есть, где нябудь в Германии али в Китае? – продолжала Медведиха. – А наша хошь и небогата, а на все руки хвата! Хошь рожь пасеець, хошь пашаницу пажнёць! Лён пасеець, уберёць,

патреплиць, вычешиць, спрядэць, атбелиць, убярэць, да рубаху сошьэць! А за скатинкой убиратца вучить ня нада. Была б толька скатинки полная ограда.

– Ну, пошла языком чесать! – восхитился дед Апанас, который и сам был не прочь словечко ввернуть. – Ты пойми, дурная баба, что у двоих в два раза лучше жить! Где зарод метать, где в доме венцы поднять, где забор подправить, где скотинку управить, где картошку копать, а где жонку обнять, да покрепче прижать!!! – дед мечтательно возвёл глаза к потолку.

– А чёй-то купец-то молчить? Можя испужалси гярой? З девкай-то пастрашня чим з японцами да з немцами – Медведиха хитро посмотрела на сидевшего за столом внука. Тот поднял взгляд на Серафиму, щеки которой пылали, а руки не находили себе места, то поправляли старенькую кофточку, то убирали невидимые крошки со столешницы. Леонид встал, привычным движением одёрнул гимнастёрку, повернулся всем телом к Серафиме, сидевшей с краю:

– Серафима Егоровна, я прошу твоей руки! Обижать не буду, жить и трудиться будем вместе и во всём буду тебе помогать. Могу плотничать, шоферить, и весь крестьянский труд ещё не забыл. А Ванюшку тоже не обижу, буду ему как брат или отец, если захочет. Вот прошу при свидетелях.

– Ну, вот самое распрекрасное время выпить, – ввернул словечко дед Апанас. – Ты, Фима, не молчи, соглашайся. А то мочи нет терпеть, выпить охота! Люба, скажи ей!

Серафима тоже встала из-за стола, коротко взглянув на Леонида, тихо сказала:

– Я согласна.

– Вот это дело! Вот это дело! – повторял дед Апанас, расставляя уже наполненные кружки. – Вот теперь Лёня пересядь рядом с Фимой. Эх! – крикнул дед, опустошив кружку. – Красота-то какая, хоть снова женись!

– Я вот Стёшке тваёй скажу, она тэбе враз женилку-то и открутить!..

Ночевал Леонид в родительском доме, а утром уехал с попутной подводой в город – нужно было встать на воинский учёт. На обратном пути заехал в соседнюю деревню к матери Николая – погибшего под Берлином друга. Там и заночевал, а домой вернулся только во вторник.

Нашёл Серафиму на ферме, заведующему сказал:

– Серафиму сегодня отпусти, отработает потом. Надо нам одно дело уладить.

Какое такое дело вся деревня уже знала. Об этом только и было разговоров. Но старый Матвейч всё равно долго возмущался, что, мол, некому коров на вечерней дойке доить. Леонид не стал дослушивать его ворчание, а взяв смущенную Серафиму за руку, повёл её прямоком в сельсовет, где председатель Степан Лукич сделал соответствующую запись в книге актов гражданского состояния. Молодые расписались в указанной узловатым председательским пальцем графе. Выпили по сто грамм магазинной водки, привезённой Леонидом из райцентра, остальное оставили в знак благодарности представителю власти. Бланк свидетельства о регистрации пообещали выдать попозже, когда подвезут из района. Вот и вся свадьба.

Чемодан с вещами и шинель Леонид уже перенёс в дом Серафимы, поэтому из сельсовета сразу пошли домой. И стали жить вместе.

2. Июнь 1944 года **г. Велиж, Смоленская область**

Синее бездонное небо и ещё пока не жаркое утреннее солнце над изрытой и избитой землёй. Высоко в небе широко распростерши свои крылья, кружит коршун. Для того чтобы парить высоко над землёй, большой хищной птице вовсе не нужно больших усилий. Стоит поймать восходящий от земли поток воздуха, и он тебя будет сам поднимать все выше и выше. Только лёгким шевелением краешком крыльев и хвоста коршун придаёт направление

и медленно кружит. Чуть склонив голову набок, птица смотрит вниз своим круглым хищным глазом.

Там далеко внизу, несмотря на ранний час, кипит жизнь. Дорога лентой тянется между полями и перелесками, а по ней ближе к обочине, бесконечными колоннами двигаются люди, одетые в одинаковую защитного цвета одежду. Опережая пехоту, идут, пыля колёсами, машины. А рядом с шоссе, прямо по накатанной гусеницами дороге, двигаются, пуская дым и пыль, железные коробки танков. Навстречу всей этой двигающейся людской массе, жидкой струйкой бредут другие. В основном пешком, а то и на телеге, с запряженным в неё конём. Иногда шустро пролетают, сигнали небольшие машинки, протискиваясь в узкое пространство дороги. А по обочинам тут и там разбитая техника. Всё это видит птица, и никакая мелочь не может укрыться от неё на расстоянии в километры. Клёкот коршуна – голос настоящего хозяина неба. Вдруг хищник замедляет своё парение и устремляется вниз, сложив крылья и стремительно набирая скорость, миг и птица устремляется вверх, держа в когтях добычу – зазевавшегося суслика или бурундука...

– Смотри, Лёнька, смотри! Коршун кого-то потащил! – один из идущих солдат указал в сторону своему соседу, шедшему в колонне справа.

В составе 8-й стрелковой роты 158-го гвардейского стрелкового полка шагал и сержант Леонид Медведев. Шли маршем уже третьи сутки от самого Смоленска. Остановка, небольшой привал, и снова вперед, на северо-запад по шоссе на дороге Смоленск – Невель. Когда нагоняла полевая кухня, был большой, часовой привал. Ночлег, чаще в каком-нибудь населённом пункте, и дальше на северо-запад.

После изнурительных боёв зимы и весны 44-го, некоторые части 6 гвардейской армии, наиболее потрёпанные, были отведены на отдых и пополнение. Отмылись и слегка отъелись, получили новое обмундирование, и месяц спустя снова на передовую. По всему было видно, что готовится новое крупное наступление. Линия фронта уже вышла к Белоруссии. А ведь где-то здесь проживала Лёнькина бабушка по материнской линии – баба Люба. Ещё до революции с мужем и тремя детьми они выехали в Сибирь искать лучшей доли. Старшей Дуняше – будущей Лёнькиной маме было тогда десять лет. Как-то они сейчас там, в далёком сибирском селе?

На привале командир взвода сказал, что сегодня ночевать будут в городке Велиже, а дальше обещали машинами до линии фронта. До Велижа километров двадцать. Обед, он же и ужин будет там. Там же получают сухой паёк на три дня. Значит, место дислокации совсем близко.

В два часа пополудни пришли в Велиж. До войны, наверное, был вполне симпатичный старинный городок, раскинувшийся по обоим берегам Западной Двины. Но сейчас местечко представляло собой сплошные руины. Кирпичные дома разрушены, а от деревянных построек, только печные трубы. Мрачную картину довершали полуразрушенные храмы, православный и униатский на противоположных сторонах реки. В общей сложности бои за город шли около двух лет, а с января по сентябрь прошлого года линия фронта проходила прямо посреди Велижа. Разделённые рекой стороны обильно обстреливали друг друга из всех видов оружия. Как выживали немногочисленные мирные жители, представить было невозможно.

Однако сейчас здесь всю бурлила жизнь. Завалы разбирались, кое-где были временно возведённые барачного типа здания. Первым делом был налажен мост через Двину, хотя и временный, но танки выдерживал. Невдалеке от разбитой ратуши в возведенном барачке размещались власти города, а напротив его штаб 51-й гвардейской дивизии. Работали как гражданские, так и военные – в основном саперные части.

Рота Леонида Медведева была отведена недалеко от полевого госпиталя за разбитой церковью. Невдалеке протекала речушка Велижка, на берегу которой размещены дощатые казармы и большие армейские палатки. Расположились, стали приводить себя в порядок. После обеда, все кроме дневальных, стали заниматься житейскими делами. Кто наладился

помыться и постираться в речушке, кто писал письмо, кто-то пиликал на трофейной губной гармошке, а кто-то спал в казарме на дощатом полу, постелив шинель и подложив под голову вещмешок. Так же поступил и Леонид. Умывшись до пояса в речушке, и прополоскав портянки, завалился в казарме, рядом с однополчанами. Прошлую ночь дневалил, поэтому выключился сразу. Но поспать, как следует, не дали. За плечо потряс взводный – Лёнькин земляк.

На войне земляк – ближе, чем родня, если даже из соседней области. А Николай из соседнего села, всего в 16-ти километрах. Правда, до войны не были знакомы. Лёнька в армию призвался ещё в 39-м, успел на Хасане повоевать, а Николая забрали осенью 41-го, до этого слесарил в автомастерских. Вместе оказались весной прошлого года. Николай тоже был сержантом, но после кратких курсов младших командиров, получил по одной звездочке на погоны, и вернулся уже командиром взвода. Однако звездочка не повлияла на их отношения, хотя субординация все, же была.

– Вставай, а то всё самое интересное в жизни проспичь!

– Чего здесь интересного, в этих развалинах?

– Через час концерт возле госпиталя. Артисты уже приехали. Говорят, сам Утёсов будет петь. А там и сестрички молоденькие из госпиталя, – Колька лукаво подмигнул.

Сон, между прочим, как будто ветром сдуло. Закопошились и другие бойцы. Быстро надраивались сапоги, доставались завёрнутые в тряпицы награды, у кого были, конечно. По ним тоже проходились суконкой, чтоб поярче горели. У Лёньки с этим делом порядок – орден Красной звезды, две медали «За отвагу», знак «Ворошиловский стрелок», который получил еще в 39-м. Ну и гвардейский знак на правой груди, как и у всех без исключения однополчан. У Николая чуть поскромней – ордена нет пока, и Ворошиловского стрелка тоже, только две медали имеются. Зато фуражка офицерская и портупея через плечо.

Через полчаса, свободные от дежурства красноармейцы, построились в колонну по двое и выдвинулись повзводно к госпиталю. Вместо уставших после марша, запыханных и потных солдат шагали подтянутые, бодрые, гвардейцы, да еще и налегке. Шинельные скатки, вещмешки, лопатки, противогазные сумки и стрелковое оружие сданы под охрану, с собою только самое необходимое. А впереди концерт, артисты, и даже, может быть, приятные знакомства!

Достаточно большое пространство перед госпиталем было уже наполнено зрителями, примерно половину из которых составляли ходячие раненые. Здесь же находилась группа медсестер во главе с врачами. Остальными были военные и небольшое количество местных. Даже имелись и ребятишки, расположившиеся на частично уцелевшем заборе. Почти впритык к ограде, был установлен грузовик ЗИС-5 с откинутыми боковым и задним бортами. Боковой борт украшала надпись: «Джаз – оркестр Леонида Утёсова». К заднему борту пристроена лесенка с перильцем. Такая вот походная сцена. А за машиной впритык, большая брезентовая палатка, которая служила артистам и гримёрной и костюмерной.

Пока бойцы располагались полукругом у импровизированной сцены, сигнала, подошёл автобус с артистами. Несколько бойцов, призванных в помощь, установили скамьи на кузове для музыкантов. Пока восемь человек из оркестра рассаживались полукругом, ведущий обратился к зрителям с приветствием и призывом бить врага, выбить его с советской земли и уничтожить в его змеином логове.

– А сейчас, вашему вниманию представляем джаз-оркестр Леонида Утёсова!

Под шквал аплодисментов по лесенке вбежал любимец всего советского народа. Был он одет по военному – в гимнастёрку и галифе в отличии от остального оркестра, одетому по гражданскому – в костюмы и бабочки.

– Родился я в городе Одессе, самом прекрасном городе на земле. Враг ворвался в мою страну и в мой родной город, но два месяца назад фашистская гадина была вышвырнута из Одессы. Наши бойцы не жалели своей жизни при её освобождении, как не жалеют жизни при освобождении и других советских городов, самых прекрасных, для тех, кто в них родился. После себя они оставляют руины, но мы восстановим наши города, и они будут ещё

прекрасней, чем до войны! А сейчас мы посвящаем свой концерт воинам Красной армии, которая освобождает нашу страну от гитлеровской чумы. И начинаем его с песни, хорошо вам известной – «Мишка одессит», которая была написана в 41-м году, и окончание песни о возвращении Мишки в освобожденную Одессу было написано в будущем времени, но сегодня они исполнились и впервые прозвучат по новому.

И концерт начался... А когда Утёсов заканчивал песню, то сестрички и нянечки не смогли сдержать слёз:

Широкие лиманы, цветущие каштаны
Услышали вновь шелест развернутых знамен,
Когда вошёл обратно походкою чеканной
В красавицу Одессу гвардейский батальон.

И, уронив на землю розы
В знак возвращенья своего,
Наш Мишка не сдержал вдруг слезы,
Но тут никто не молвил ничего.

Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда.
Ведь он моряк, Мишка!
Моряк не плачет,
Но в этот раз поплакать, право, не беда!

А дальше были: «Заветный камень», «Тёмная ночь», «Тайна», «Военные частушки», а также и переделанные на новый лад «С Одесского «кичмана». Вместо двух воровских уроков были Гитлер и Геббельс, а «кичман» был не Одесский, а Берлинский. Зрители яростно аплодировали, кричали «браво», а кто-то преподнёс огромный букет полевых цветов.

В антракте выступали танцоры и жонглёры, а в во втором отделении Утесов представил свою дочь красавицу Эдит, с которой они спели «Барон фон дер Пшик» и «Будьте здоровы», а потом Эдит сольно спела «Полюбила я парнишку» и ещё две песни.

И вот уже наступает окончание концерта. Ведущий объявляет:

– По просьбе начальника госпиталя товарища полковника Петренко, Леонид Осипович Утёсов исполнит песню «Моя любимая».

Как и другие бойцы, Лёнька слушал бархатный голос Утесова, а душою видел всё, о чем пелось в песне: прощание солдата с любимой, машущие платочком вслед девушки, боец, пишущий письмо на привале, фотокарточка любимой, обещание бить врага, и что-то ещё такое, от чего щемило сердце...

Песня закончилась, несколько мгновений стояла полная тишина. А затем крики «браво» и «бис».

– Друзья мои, дорогие мои товарищи, сейчас мы исполним для вас новую песню, вальс. Авторы его, замечательные советские песенники Марк Фрадкин и Евгений Долматовский назвали его «Офицерский вальс». Товарищи офицеры и солдаты, приглашайте дам.

Леонид с Николаем находились рядом с группой медсестер. Некоторые из них были одеты в белые халаты, другие, по-видимому, не занятые на дежурстве, одеты по возможности нарядно. Совсем рядом, взяв друг дружку под руку, стояли две молодые дивчины. Одна из них, побойчее, успевала и на артистов поглядеть, и по сторонам глазами пострелять. Несколько раз поглядывала на Николая с Лёнькой, и что-то потом, смеясь, нашептывала подружке. Та тоже коротко посматривала в их сторону. Лёньке показалось, что она смотрит на него.

Козырнув, Николай пригласил ту, что побойчее, звали которую как выяснилось, Валентина, а Леонид, щёлкнув каблуками, пригласил её подругу:

– Разрешите?

Скромно потупив глаза, та кивнула. Оркестр уже играл. Проигрыш был большим, и позволил желающим уже разбиться по парам, заполнив все пространство перед эстрадой.

Мягкий с хрипотцой голос запел:

Ночь коротка,
Спят облака,
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка.
Утро зовёт
Снова в поход.
Хорошо, что я встретился с вами,
Проходя мимо Ваших ворот.

Хоть я с вами совсем незнаком,
И далёко отсюда мой дом,
Но мне кажется, снова
Я у дома родного...
В этом зале большом
Мы как будто вдвоем
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем...¹

Куплет в песне был всего один, только припев повторялся, но оркестр играл проигрыш по нескольку раз. А потом ещё сыграл несколько танцевальных мелодий. В перерыве между танцами Леонид не выпустил руку девушки.

– Как Вас зовут?

– Маша, – и она взглянула на Леонида своими серыми глазами.

– А меня Лёня, – в горле у него вдруг сделалось сухо, – потанцуем ещё?

– Да. – Маша кивнула.

Со стороны обделённых женским вниманием бойцов были поползновения перехватить Машу на танец, но Лёнька делал зверское лицо в сторону покусителя, незаметно для девушки показывал увесистый кулак.

Николай с Валентиной кружились вовсю. Подол платья развеялся, а Валентина весело что-то щебетала Николаю, но Леонид ничего не видел кроме серых удивительных глаз напротив.

3. Июнь 1944 года г. Велиж, Смоленская область

После того как танцы закончились, Николай с Леонидом отвели своих девчат в сторонку и закурили.

– Милые дамы можем ли мы рассчитывать на возможность Вас проводить до дома? – Николай был сама галантность. – Вдруг кто-то нехороший похитит Вас?

Валентина подхватила шуточный тон:

– Ой, как же мы без вас в оккупации были? Сами могли за себя постоять! А теперь и подавно. Ладно, уж, проводите, не зря же столько танцевали, только меня совсем рядом провожать. Я сегодня в ночь дежурю в госпитале. Сменщица уже потеряла меня, наверное. А вот Маше повезло с провожатым. Вон он, какой серьёзный, в обиду не даст. – Валентина звонко рассмеялась.

¹ Один из первых вариантов песни «Случайный вальс».

– Минуточку милые дамы, товарищ сержант, нам надо переговорить один важный момент! – Николай отвел Леонида чуть в сторону.

– Ну, ты чего, Лёнька? Не дрейфь! Если что, прикрою. Смотри только, чтобы утром на построение не опоздал, а то кипешу будет. Мне-то нельзя, а то махнулся бы с тобой местами.

– Отстань, у тебя невеста есть. Письма-то пишешь чуть не каждую неделю. А я свободный, как в поле ветер, в небе дым. Так что Auf Wiedersehen, mein Freund!¹

Пока Николай с Леонидом переговаривались, Валентина, посмеиваясь, опять что-то нашептывала на ухо Маше.

– Ну, что же, разрешите проводить! – Николай склонил голову перед Валентиной и левой рукой взялся за ремень. Валентина подхватив под руку своего кавалера, помахала рукой Маше и Леониду.

Площадь перед госпиталем уже почти опустела. Автобус с артистами уехал, а в грузовик загружали последний реквизит, сложенный брезент, лестницу, какой-то стол, скамьи и прочий скарб. Наступили летние сумерки, хотя было ещё достаточно светло.

Маша также взяла Леонида под руку, они неторопливо стали подниматься вверх по улице, а вернее по тому, что от неё осталось. Проезжая часть улиц была расчищена тракторами, чтобы машины и подводы могли беспрепятственно проезжать в обе стороны, но так было не везде. Когда свернули на узкую улицу, на которой были когда-то деревянные дома, то приходилось больше смотреть под ноги, хотя Маша хорошо ориентировалась в наступающей темноте, невольно прижавшись ближе к Леониду. По сторонам тут и там виднелись силуэты печей, уцелевших домов почти не было.

– На нашей улице только три дома уцелели. Бабушкин дом совсем целый остался, только сейчас она пустила соседей, целых три семьи. Я, пока лето, в сарайчике живу. Там спокойней, после работы можно поспать. А печку железную топим прямо в ограде. Дров полно, вокруг дома разбитые, только таскай. У нас соседские ребята этим занимаются.

Маша чувствовала, что говорит не о том. При чем здесь дрова и железная печка? Рядом этот парень, который понравился ей с первого взгляда, еще до того как пригласил на танец. Его сильная рука, и идут они бок о бок, так близко! Сейчас он проводит её, и они расстанутся навсегда. Боже, как же быстро они приближаются к дому!

– Расскажите о себе. Можно я буду Вас называть Лёня? У меня брата так звали.

– Конечно. Но мне о себе и рассказать-то нечего. Сам я из Сибири, детство в деревне прошло. В 38-м призвался в армию, а потом, когда война началась, нас перебросили под Сталинград. Так что вся моя сознательная жизнь солдатская. Вот закончится война, если буду жив, то вернусь в родное село. Там родители, бабушка. Она из Белоруссии из Витебской губернии. Где-то здесь недалеко они с дедом поженились, а потом в Сибирь поехали. А у тебя где родители? Ты всё про бабушку говорила.

– У меня родители погибли под бомбёжкой. Мы с ними в Смоленске жили. Мама учительницей была, а папа врачом. Он на фронт просился, когда война началась, но его не взяли, по состоянию здоровья. И он в больнице работал. Лёня на фронт ушёл добровольцем, но до фронта не успел доехать, их часть попала под обстрел уже почти на передовой. И Лёню снарядом убило, а его однокурсник жив остался, только ранило, ему руку отняли в госпитале. Он нам и написал письмо как Лёня погиб. Немцы уже к Смоленску тогда подошли. Я на курсах медсестер училась, а ночью мы дежурили на крышах, «зажигалки» сбрасывали.

В ту ночь бомбёжка была три раза. Мы с подружкой дом спасли, в котором дежурили. В него целых три «зажигалки» попали. Мы их щипцами, и в бочку с водой. Потом их вниз сбрасывали через слуховое окно. А самим страшно. Вдруг не потушим, а ещё страшней, когда свист стоит и вой от бомб. А вдруг не зажигалка летит, а фугас! Они разные бомбы сбрасывали. А когда где-то рядом взрывы, дом весь трясётся, кажется, что сейчас развалится. Плачем от страха, молимся про себя.

¹ До свидания, мой друг! (нем.)

А утром иду домой, а нашего дома нет. Он на углу был, большой такой, шесть этажей. Только задняя часть осталась. А бомба прямо в наш подъезд попала. Я когда вечером на дежурство уходила, папа с мамой были дома... – голос Маши задрожал и сорвался.

Леонид, остановившись, взял её ладони в свои и тихонько погладил. В уже сгустившихся сумерках были видны слёзы на щеках девушки. Она потихоньку высвободила одну руку и вытерла их рукавом кофты. Пошли дальше, спускаясь к речушке. Здесь в ложбине и находились несколько уцелевших домов.

– Ты знаешь, я последний раз танцевала только на выпускном, как раз 21 июня. А под утро, фашисты нас бомбили в первый раз. Потом, когда немцы вошли в город, я стала пробираться к бабушке в Велиж. А что в Велиже делалось? Здесь до войны полгорода проживало евреев. Кто-то успел эвакуироваться, но таких было мало. Остальных немцы согнали в гетто. Они там в сараях жили и в свинарниках. Их гоняли на работы и постоянно расстреливали. А когда наши стали наступать, их загнали в сараи и сожгли. Всех до одного, и детей, и стариков.¹

– Вы-то как от немцев прятались, как выживали?

– Ой, не знаю как. Наряжались как бабки старые, зубы чернили, у нас хоть огородик возле дома, картошку садили, свёклу. У других и этого нет. В поле уже в начале зимы ходили картошку копать. Там мелкая была, помёрзшая. Потом мы из неё оладыи стряпали. Работы не было, а потом немцы начали на принудительны работы сгонять, рыть окопы на востоке от города. Как же я их ненавидела. Они всю мою жизнь сломали... Я к бабке попала уже после того как они прошли поголовную регистрацию в комендатуре. Жила можно сказать, тайком. Но немцы в основном евреями были заняты. Не до нас было. Не хочу об этом говорить...

Маша помолчала, затем продолжила:

– Я сегодня, как будто в другой жизни побывала. Утёсов, оркестр, танцы! Мы ведь в школе учились ещё, столько раз бегали смотреть «Весёлые ребята»! А тут живой Утёсов! Не хочу больше о том, что было.

Подошли к дому. Возле побитых, едва стоящих на подпорках ворот, была небольшая калиточка. Возле неё остановились.

– Ну, вот и пришли, Вам, наверное, пора в часть? Можно вдоль Велижки пройти, там тропинка широкая, как раз к церкви выходит. – Маша снова перешла на Вы.

– Маша подожди. Я с Николаем договорился, он командир нашего взвода. Я могу хоть до утра. Не уходи. Давай постоим маленько, поговорим. Ты может, не поверишь, но у меня не было в жизни девушки, так просто знакомые. Я даже не с кем не переписываюсь. – Леонид взял Машину ладонь в свою. – Я когда тебя увидел там, как ты на артистов смотрела. Ты мне сразу понравилась. Я только боялся, что у тебя жених есть или муж!

Сердце отчаянно колотилось в Лёнькиной груди и подступало к горлу. Похожее состояние было и у Маши. Она не знала как себя вести. Убежать? Но ноги стали как ватные. Да и не хотелось никуда бежать! Лёнька робко обнял её, не выпуская руки из своей и она покорно прислонила своё голову ему на грудь. Скрипнула дверь в доме.

– Маша! Мария!

– Это бабушка, – прошептала Маша. – Тихо!

Они замерли, и стояли так прижавшись друг к другу, пока дверь не закрылась. Потом Маша сама взяла Леонида за руку, и на цыпочках повела его вокруг соседского дома за огород, и вывела сзади дома к небольшому сарайчику. Будь поблизости собаки, они сразу же подняли бы лай. Но, ни одной собаки в округе не было – всех вывели во время войны. Потихоньку, чтобы не скрипнула дверь, завела его внутрь и, наклонив Лёнькину голову к своей, припала к его губам...

¹ По официальным данным в Велижском гетто во время оккупации было уничтожено более 2000 евреев.

... Сколько прошло времени? Час или два? Время потеряло счёт. Оно остановилось здесь, в одном отдельно взятом месте. В маленьком сарайчике, посреди разбитой войною земли...

Леонид с нежностью смотрел лежавшее на его плече милое, почти ещё детское лицо. В предутреннем полумраке были видны рассыпавшиеся волосы и чуть подрагивающие закрытые глаза. Посапывающий милый носик, припухшие губы. У Лёньки губы тоже приятно ломило от долгих и жарких поцелуев. Во рту всё пересохло, рука, обнимающая Машу, затекла. Но что может быть приятней, чем терпеть эти неудобства. В военных передрыгах терпеть приходилось гораздо большее, и без всякого удовольствия. А это Лёнька готов терпеть всю жизнь. Где-то далеко в предрассветной тишине пропел петух. Лёнька улыбнулся. Собак нет, съели или поубивало, а петух, поди ж ты, поёт себе. Как в родной деревне. Правда, там ему бы тотчас ответили другие петухи по всему селу. А здесь прокукарекал, обозначил своё полное превосходство, и дальше додрёмывать. Через час снова прокричит. Это будут уже «третьи петухи» и нужно будет вставать.

Маша вздрогнула и открыла глаза.

– Спи, спи! Ты так хорошо спала.

– Я обещала тебе, что не буду спать, и не смогла, засоня. Который уже час? Уже светает!

– Пятый пошёл. У нас немного времени. Через час мне нужно уходить.

– Мне тоже к семи на смену. Я могу тебя проводить. Знаешь, я подумала, что вот если бы войны не было, я тебя никогда бы не встретила. Ведь ты вернёшься когда война закончится?

И сама же не дала Лёньке ответить:

– Тихо. Молчи. – И снова прижалась к Лёнькиным губам...

Через час они прощались у тропинки, идущей вдоль реки. Было уже совсем светло.

– Это сохрани. – Лёнька положил Маше на ладонь маленькую чёрную гильзу с завинченной крышечкой – солдатский медальон. Здесь всё обо мне. Адрес родных, моя полевая почта. Пиши. Слышишь?

Обнял ещё раз, поцеловал в красные заплаканные глаза. И пошёл вдоль речушки, не оглядываясь.

– Стой! Лёня, стой! – Маша подбежала к нему, нагнув руками его голову, одела на шею крестик. – Ты не погибнешь. Только не снимай с себя. Это мне папина мама передала, моя вторая бабушка. Она перед войной умерла, а этот крестик меня всю войну хранил. Теперь будет хранить тебя. Иди. – И сама побежала обратно...

4. Конец июня 1944 года г. Полоцк, Белоруссия

29-го июня началось. Части 6-й гвардейской армии перешли в наступление на Полоцк.

Бойцы 8-й стрелковой роты, в которой служил Леонид, уже более получаса из окопов наблюдали, как над их головами с воем пролетали снаряды наших арtdивизионов. Метрах в пятистах от наших окопов, а то и ближе, сплошная стена разрывов. Земля, дым, взлетающие на воздух куски бревен и деревьев, сплошной гул. Вот-вот начнётся атака. Для многих она будет последняя в жизни. Но Лёнька гнал от себя эти мысли. Мандраж конечно был, как и всегда перед боем. Сегодня рукопашной вряд ли избежать. На танковый прорыв рассчитывать не приходится – местность заболоченная. Завязнут и будут хорошей мишенью, так что надежда только на то, что сотни тонн снарядов сделают своё дело, и ещё на себя, на то что, проскочат быстро открытую местность, пока немцы в себя придут.

По окопам пронеслось: «Приготовится к атаке!». А затем: «Вперёд!»

Привычно выбросил пружиной тело из окопа, и, пригнувшись, побежал вперёд. Рядом бойцы. Бежали молча, над головой ещё пролетали последние снаряды. Пробежали больше

половины, и тут ударили немцы, и очень мощно. Главную опасность представляли пулемёты, которые буквально косили атакующих. По-видимому, били из дотов, хорошо укрепленных и не подавленных артиллерией.

Залегли. С нашей стороны ударили миномёты, но били, перестраховываясь, могли зацепить своих, однако дали возможность наступающим, хотя бы немного окопаться – продвинуться вперёд невозможно. Раненых не подобрать. Ни вперёд, ни назад. Местность голая, только небольшие кустики. За одним из них лёжа на боку, Леонид вырыл себе небольшое углубление, вжался в него.

Стали бить из орудий по огневым точкам, готовили вторую волну. Но и вторая волна захлебнулась – пробежав ещё меньше, залегли. Небольшое затишье. Лёжа на спине, из нагрудного кармана Лёнька достал крестик, поцеловал.

– Господи, помоги! Снова убрал в пришитый внутри гимнастерки кармашек. Пошла авиация. «Илы» шли на бреющем тремя парами, вдоль линии фронта. Приблизившись к траншеям немцев, ударили реактивными снарядами, затем развернувшись, стали «поливать» их из всех стволов.

Пехотинцы вскочив, совершили последний рывок, и, бросая гранаты, под плотным ответным огнём ворвались во вражеские окопы.

Короткие очереди, удары сапёрных лопаток и штык-ножей, крики, маты, возня, стоны и хрипы... Стало стихать.

Крик ротного:

– Слушай мою команду! Занять оборону!

Стали перевязывать раненых. «Тяжёлых» оттащивали в выдвинутые на восток ячейки немецких окопов и перекрытые щели. «Лёгкие», готовились к отражению контратаки.

Лёнька осмотрел себя. Новая гимнастёрка вся в глине и в крови, рукав почти оторван. Левый глаз заплаыл, голову ломило от удара немецкого приклада. Но руки-ноги целы. Так, царапины и синяки – жить можно. Приклад автомата раскололся и едва держался. Не предназначен, однако ППШ, что бы им били по стальным каскам. Поменял автомат, взяв у убитого товарища, заодно и подсумки с гранатами и запасными рожками.

Стали подтягиваться бойцы из второй волны наступающих, появились санинструкторы. Ребята подтащили ручной трофейный пулемёт MG-42 и несколько пулемётных лент к нему. До второй линии обороны совсем рукой подать. По траншее, ведущей к ней, выдвинулись почти вплотную к немцам, устроили огневую точку и стали ждать...

И в этот, и на следующий день, несмотря на неоднократные попытки наших войск продвинуться вглубь обороны немцев и выйти к Полоцку, враг не отступил. Задача нашим частям была поставлена освободить города к концу 1 июля, но фашисты дрались отчаянно, то и дело, бросая свои части в контратаки. И только когда с двух сторон, с севера и юга по ним ударили резервные части 6-й гвардейской армии, враг дрогнул, и под угрозой окружения стал медленно откатываться к городу...

5. Начало июля 1944 года г. Полоцк, Белоруссия

Кажется, немцы готовились взорвать мост. Два моста были ими уже разрушены, а этот держали до последнего, чтобы отвести по нему свои части. Но заминировать они его успели. И теперь бегали по нему с катушками проводов, протягивая их на правый, берег.

Николай оторвался от бинокля, протянул его Леониду.

– На, смотри внимательно, подходы изучи. Нужно атаковать с противоположного берега блокпост. Они этого не ждут. Комбат приказал закрепиться и ждать подкрепления. Подкрепление пойдет по мосту. Обещают к нему прорваться в течение часа-двух. Вам нужно уничтожить взрывные устройства, или, по крайней мере, провода. Радиоуправляемых зарядов у них нет, по всей видимости. Занять круговую оборону на блокпосте. На

подготовку тридцать минут. Когда будете готовы, по команде танком спихнут в реку сарай и заборы. Одновременно начнут обстрел правого берега. Вам среди этих бревен и досок добраться до опор моста и по ним на берег. Вторая группа будет переправляться выше, отвлекать. С тобой шесть человек. Задача понятна?

– Так точно. Разрешите выполнять?

– Давай, Лёня! Ты должен это сделать!

... По шею в воде, Леонид и ещё шесть бойцов его взвода спускались по течению к мосту. Оружие и подсумки с вещмешками были закреплены на небольших плотиках, замаскированных под деревянный хлам, который плыл в изобилии по реке. Сами плыли, держась за эти доски и брёвнышки. Начался обстрел немецких позиций у моста, а потом начали ложную, отвлекающую переправу. Немцы в ответ сосредоточили по ней огонь, заставив прибиться назад, к левому берегу.

Тем временем Лёнькины бойцы причалили удачно, к крайней опоре, до берега метров двадцать. Один из бойцов осмотрел опору. Заряды крепились вверху, с воды не достать. Провода уходят наверх. Добрались до берега. Любой, случайно спустившийся вниз вражеский солдат, мог обнаружить их и поднять тревогу. Тогда ничего бы не вышло. Но повезло и во второй раз. С двух сторон внезапно выскочили на охрану, бросили гранаты в сторону блокпоста, обложенного мешками с песком и стали косить вокруг себя из автоматов. Пока ошеломлённые немцы приходили в себя, были уже в укрытии, да ещё успели все провода перерезать. Блокпост с пулемётом и боеприпасами был захвачен. Основная часть задания была выполнена, дело осталось за малым – удержать мост.

Немцы вначале предприняли атаку силами пехоты, с противоположной стороны, тоже выдвинулась небольшая группа. Но эту атаку удалось отбить. Тогда немцы подогнали гусеничный бронированный грузовик и под его пулемётным прикрытием двинулись на десантников, но и эту атаку удалось отбить, гранатами и пулемётным огнём.

Обещанного комбатом подкрепления не было ни через час, ни через два. Силы и боеприпасы были на исходе. Из семерых человек в живых было пятеро, из которых, двое раненых.

– Уходите вниз. Нам всё равно не удержаться. – Это Пётр Романенко прохрипел на ухо Леониду. Нам не уйти. Ванька в живот ранен, а у меня ноги перебиты. Гранаты оставьте.

Немцы готовились к решительному броску. Решили не ждать. Петр из пулемёта начал бить по залегшим немцам, тяжелораненый Иван, лёжа на спине, подавал пулемётную ленту. Остальные бросились вниз, но добежали только вдвоём. Ещё одного скосила немецкая очередь. Когда отплывали над берегом, услышали взрыв на мосту, и увидели, оглянувшись, что мост горит. И всё стихло. Выплыли обессиленные на противоположный берег, гораздо ниже.

Только к ночи Леонид с товарищем попали в свою роту. До этого их сначала помуржили в спецчасти, куда доставили, выловив из реки. Документов у них с собой конечно же не было. Но позвонили и справились, что, да как в соседний полк. Задавали наводящие вопросы, а потом накормили и сопроводили в свою часть.

Полк Леонида, уже форсировал реку и перешёл на правый берег, поэтому бойцов на машине доставили уже по частично обгоревшему мосту, прямо через то место, где они несколько часов назад держали оборону. Теперь это была уже наша земля, обильно политая кровью... Нашикрепились всё таки на правом берегу, и не только возле моста, но и на протяжении нескольких километров. Части сразу трёх гвардейских полков форсировали Западную Десну на доставленных к реке понтонах и плавсредствах. Но мост устоял, хотя трижды горел, но его тушили, и войска по нему перебрасывались для решающего броска.

Боевое донесение 23 гв. ск № 0134 к 19.00 3.7.44

...Соединения 23 Гв. СК в течение суток вели наступательные бои за овладение г. Полоцк, преодолевая упорное огневое сопротивление арьергардов отходящего противника и на отдельных участках отбивая его контратаки, части 51 Гв. СД и 213 Гв. СП, 71 Гв. СД к 11.00 очистили южную часть г. Полоцк и вышли на южн. берег реки Зап. Двина на участке: Каз.–Екимания. Две стрелковые роты от 3/158 Гв. СП 51 Гв. СД, используя подручные переправочные средства, переправились на сев. берег реки Зап. Двина с поддерживающими артиллерией, минометами и двумя танками 2 ОГв.ТПП, продолжая преследовать отходящего противника.

У Николая от радости рот до ушей, когда он увидел перед собой своих бойцов, давай их тискать.

– Лёнька! Мишка! Живые! Я же говорил, что выберутся! Среди убитых не нашли. Романенко с Никифоровым подорвали себя, троих ещё нашли убитых. А вы куда подевались?

– Обратно на тот берег эвакуировались. Петр с Иваном нас прикрывали. Вечная всем им память!

– Тут смотри, что было. – Николай присел на поваленный телеграфный столб. – Наши к мосту никак не могли прорваться. Увязли на подходах. Вас-то когда немцы выбили, опять нависла опасность того, что мост смогут взорвать. Дело только времени. Комполка приказал атаковать мост в лоб. Захватить и удержать до подхода танков. Наш взводный Сашка Григорьев отобрал 22 бойца и вперёд. Пока артиллерия и самоходки по немцам били, они мост взяли. Укрепились на ваших же позициях. А наши всё никак не могут прорваться со стороны вокзала. Григорьев четырнадцать атак отбил со своими ребятами. Тогда немцы подогнали огнемёты и всех их сожгли. А мы уже форсировали реку по всему центру города. Чуть не успели. Все ребята погибли, но мост удержали. Завтра их хоронить будут. Эх, жалко мужиков, такие хлопцы были! А Сашка Григорьев! Ему-то это дело доверили, как лучшему, не мне...¹

04.07.1944 года. От Советского информбюро:

Войска 1-го Прибалтийского фронта овладели городом Полоцк... Наши войска прорвали оборонительную линию, преодолели внутренние обводы полоцкого укрепленного района и вчера завязали бои на улицах города. Немцы отчаянно сопротивлялись и цеплялись буквально за каждый дом. Но наши бойцы выбивали их из подвалов, домов, блиндажей и дзотов. Бои продолжались всю ночь. Сегодня утром наши войска штурмом овладели городом. В боях за Полоцк немцы понесли огромные потери в людях и технике. Захвачено много трофеев и пленных.

¹ Николай был не прав, утверждая, что погибли все бойцы подразделения А. М. Григорьева. Долгое время действительно считалось, что все гвардейцы погибли. Однако старшина Михаил Кожевников остался в живых. Раненого, его подобрала санитары. Однополчанин Михаила, полковник в отставке Ф. Т. Селиванов в книге «Гвардейцы» рассказал о том, как он разыскал уцелевшего воина. Наблюдая из укрытия за боем, санитар-сержант С. Д. Алферов увидел, как струя пламени из огнемёта накрыла одного из воинов, и в то же время разорвался снаряд. Вверх поднялся фонтан земли. Человек упал, и его присыпало землей. Воина откопали. Он оказался жив. Его переправили в медсанбат, а оттуда в один из госпиталей. После демобилизации Михаил Кожевников работал на строительстве Куйбышевской ГЭС, затем шофером в Ставрополе, с 1984 по 1987 годы – на Полоцком авторемзаводе слесарем-сантехником.

Западнее и юго-западнее города Полоцк наши войска продвинулись вперёд на 35 километров и овладели узловой железнодорожной станцией Воропаево. Захвачено 4 эшелона с военными грузами, 4 артиллерийских склада и 8 танков.

Западнее города Погост Новый Н-ская часть уничтожила 132 сапёрный батальон и 132 артиллерийский полк противника. Захвачено 16 орудий, много автомашин и повозок. Западнее города Глубокое наши подвижные отряды разгромили большую немецкую автоколонну и захватили 450 автомашин.

В городе Глубокое советские части захватили крупные склады 3-й немецкой танковой армии, в том числе 11 складов с продовольствием. На железнодорожной станции захвачено 6 паровозов, до 500 вагонов и 135 автомашин. Наша штурмовая авиация активно поддерживала действия наземных войск. Бомбовыми ударами и пушечно-пулёмётным огнём советские лётчики уничтожили 4 танка, свыше 200 автомашин и 60 повозок с войсками и грузами, взорвала 7 складов с боеприпасами и склад с горючим. В воздушных боях сбито 13 немецких истребителей.

Приказом Верховного Главнокомандующего в ознаменование освобождения г. Полоцк, в Москве был произведен салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

6. Август 1944 года **г. Каунас, Литва**

Дела у меня идут на поправку. Госпиталь в Каунасе – настоящий курорт, и погода замечательная. Кормёжка что надо. Со вчерашнего дня разрешили выходить на улицу, покурить. Я-то себе вполне нормально, а вот Колька ещё слабоват. Похудел, скулы заострились, ну да ничего, были бы кости целы, а мясо нарастёт. Так, кажется, бабушка говорила. Утром фотограф был, сфотались на память втроём. Коля справа, Сашка Смирнов из под Ачинска – слева, а я сзади по центру. Фотки обещали через пару дней. Надо домой отправить и Маше. От неё было только одно коротенькое письмо, ещё до Полоцка, в конце июня. В нём благодарила за посылку, которую я ей оставил, сухпай там разный, мыла кусок, ещё чего по мелочи, передал ей через Валентину, подружку её. Та Кольку прибежала проводить. А Машу не пустили, привезли партию раненых, надо было размещать, перевязывать, а ей так хотелось ещё хоть на минутку увидеться. Мне, кстати тоже. Просила писать и беречь себя...

Может быть, сегодня почта будет. Сам-то ей уже три раза написал. Ответ на то её письмо, да до этого раз, и из госпиталя одно. Домой тоже написал, что жив и практически здоров. Отдыхаю, поправляюсь, набираюсь сил. Рядом друзья-товарищи, так что не скучаем. Скоро поправимся, и снова будем бить фрицев уже на чужой земле. В Белоруссии было жарковато – лето такое выдалось. Но немцам жару тоже задали, будут знать, как своими погаными ногами нашу землю топтать. Скоро за всё ответят. Ну и так далее, в том же духе.

Ну а сюда как попали-то? Это когда Полоцк зачищали 4 июля, немцы уж больно отчаянно дрались, даже в контратаки бросались, чтоб прорваться, значит. Получилось, что нас несколько человек отрезали от своих, взводного Кольку ранило в грудь, он сознание потерял. Меня тоже ранило, в бедро. Нога как будто отстегнулась. Ну, вот я Кольку за шкирку, на плащ-палатку и к своим. Немцы «на хвост сели», пришлось малость пострелять, хорошо воронка подвернулась. Туда Кольку затащил, оборону занял. Думал, правда, что каюк, но тут гвардейцы соседнего полка подоспели, выбили фрицев. наших опять полегло! От роты едва половина осталась.

Ну, так вот, нас в медсанбат, а в начале августа в госпиталь, в Каунас. Наши уже без нас, почитай всю Прибалтику освободили. За то, что командира раненого из боя вытащил, меня к ордену Отечественной войны II степени представили. Кольку тоже, только ему I степени, наверное, по совокупности. А так вообще-то не справедливо получилось – я же его тащил, а

не он меня. Но это я так. Я же его не из-за ордена тащил... О, лёгок на помине, пойду, вроде бы меня зовёт...

– Мне тут письмо передали! – Колькино лицо совсем не выражало радости, – от Валентины.

– Как же так? Я тут караулю письменосца, а он мимо меня! Мне опять ничего не было?

– Валентина тут и тебе написала, просила передать. – Николай протянул Лёньке сложенный треугольником листок. – Ты, это... Мужайся солдат.

– Чего? Чего мужайся?

Леонид развернул листок, торопливо побежал глазами по строчкам. Валентина писала:

«Здравствуй, Леонид! Пишет тебе подруга Маши Смирновой, Валентина Скворцова из Велижа. Ты должен меня помнить, на танцах в тот вечер мы были с Машей. Потом ты посылку через меня ей передавал. Ты, наверное, ждёшь письмо от неё, но его не будет. Дело в том, что Маша погибла 5 августа. Был субботник, и мы убирали площадь в центре города. Там большие бетонные блоки, их руками не поднять, на конях оттаскивали. Когда кусок один оттаскивали, она рядом стояла, а под ним оказалась мина. Когда плиту сдвинули, то мина взорвалась, и лошадь убило наповал, а Маше осколок попал в живот. А больше никого не зацепило, все осколки пришились в плиты. Мы Машу до больницы на руках несли, но не успели, и она умерла. Была в сознании до конца и просила, чтобы ты её простил, что она не убереглась. И ты меня прости, что не сберегла её. Она так тебя любила! Только про тебя и говорила всё время. Ещё за день до этого, она сказала, что, кажется, у неё будет ребёнок. Она такая счастливая была...»

Слова письма никак не хотели доходить до Лёнькиного сознания. Разве такое может быть? Это они здесь могут погибать, потому что здесь война, враг лицом к лицу, а там она уже закончилась! Этого просто не может быть! А как же теперь дальше? Он хотел дочитать письмо, но строчки прыгали и расплывались, а грудь сдавила боль. Усилием воли справился с собою.

«... Похоронили мы Машу в воскресенье 6-го августа, возле братской могилы, там же на площади. Бабуля Машина, не выдержала и слегла. За ней постояльцы ухаживают. Вы отомстите фашистам за всё. Привет вам от всего нашего госпиталя: бойцов, врачей и сестричек.

Крепко жму твою руку.

Валентина Скворцова. 8.8.44 г.»

7. Июнь 1974 года Иркутская область

Быстро светало. Ночь в июне коротка. Как в той фронтовой песне. Леонид Иванович докурил последнюю папиросу, скомкал пустую пачку и бросил в мусорное ведро. Сегодня воскресенье, на работу идти не надо – в колхозе выходной. Хотя могут выдернуть в любой момент. Однако у скотины выходных нет, и скоро начнут мычать корова и телка, требовать внимания, и пора будет управляться по хозяйству.

Был ли счастлив Леонид в своей жизни? Конечно да. Всё послевоенное время он строил своё счастье, своё и своей семьи. Была ли любовь к Серафиме? Спустя многие годы можно твёрдо сказать, что да. Но она появилась не сразу. Была симпатия, потом пришло уважение, а теперь как будто срослись. Чувствуют друг друга, и друг без друга не представляют себя...

Родителей схоронили. Сначала мать, а за отцом доглядывали – переходить жить к детям он не захотел. Тут в основном Серафимина забота была, чтоб без неё делали! Однако отец задерживаться на этом свете не захотел. И через год ушёл вслед за матерью. Но за это время и дети выросли. Николай с Сашкой уже семьями обзавелись, внуки народились, а младшая

любимица Маша осенью поступает в медучилище. Хочет быть врачом, спасти людей. Что ж, дело доброе, пусть учится, будем помогать с матерью. Силы пока есть. Опять же Иван – брат Серафимы заместо родного сына. Тоже семейный. Уехал на Дальний Восток. Бывает, правда, редко, всё зовёт к себе...

В селе почёт и уважение. Только мало кто знает, какую цену купил он своё счастье. Не расплескал, не профукал. Может, в этом помогла та давняя история, которой сегодня ровно тридцать лет. Там счастье уместилось в одни сутки и закончилось в один миг. И хорошо, что у Маши оно успело случиться в её короткой жизни. Память о ней он сохранит, сколько бы не отмерено было ему ещё жить на этой земле. Вот крестик её у него на шее, потемневший, потёршийся. И, правда, сохранил его во всех передрыгах. Вот такая штука!

Пропел петух, ему начали вторить по всей деревни другие. Леонид Иванович улыбнулся в усы. Хороший у них с Серафимой кочет. Самый голосистый на селе.

Третьи петухи уже пропели – надо жить дальше.

Приложение к рассказу «Ночь коротка»
Фотографии взяты в сети интернет в свободном доступе

К главе: 2

Солдаты на марше

К главам: 2, 3:

г. Велиж во время оккупации. Мостик через речушку Велижка

Освобождённый г. Велиж 1943 г.

К главе 2:

Выступление Джаз-оркестра Л. Утёсова на фронте

Леонид Утёсов и его дочь Эдит Утёсова
поют песню «Будьте здоровы»

Евгений Долматовский

Марк Фрадкин

Авторы песни «Случайный вальс» («Офицерский вальс»)

Советские бойцы танцуют с местными жителями.
Слева на сцене видны артисты

К главе 4:

Перед боем

К главе 5:

Воины 1-го Прибалтийского фронта ворвались в Полоцк.
4 июля 1944 г.

Форсирование р. Полота (приток Западной Двины) в г. Полоцке

Наведение переправы на р. Полота (приток Западной Двины) в г. Полоцке

Полоцк наш

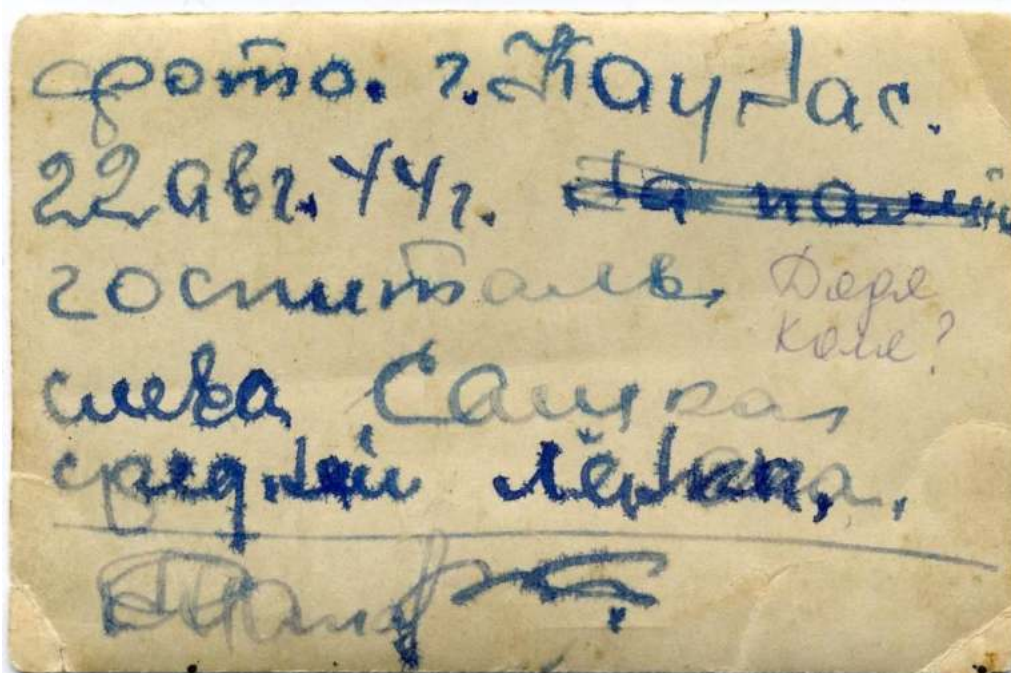

Освобождённый Полоцк.
На переднем плане убитый немецкий солдат

К главе 6:

Госпиталь г. Каунас. 22 августа 1944 г.
Справа Николай, слева Александр, в центре Леонид.

Оборотная сторона фотографии, подписанная рукой Николая.
Фото из архива автора

Памятник 23-м бойцам 158-го полка 51-й гвардейской стрелковой дивизии, которые 3 июля 1944 года ценой своей жизни удержали захваченный плацдарм на берегу Западной Двины до подхода основной группы войск. Полоцк. Установлен в 1989 г.

Памятник «Освободителям Полоцка». Установлен на площади Свободы. В братской могиле похоронены 16 воинов, погибших в 1944 г. при освобождении Полоцка.

Юрий Визбор

Цена жизни

«Товарищ генерал, вот добровольцы –
Двадцать два гвардейца и их командир
Построены по-вашему...» – «Отставить, вольно!
Значит, вы, ребята, пойдёте впереди.
Все сдали документы и сдали медали.
К бою готовы, можно сказать...
Видали укрепленья?» – «В бинокль видали».
«Без моста, ребята, нам город не взять».

Этот город называется Полоцк,
Он войною на две части расколот,
Он расколот на две части рекою,
Полной тихого лесного покоя.
Словно старец, он велик и спокоен,
Со своих на мир глядит колоколен,
К лесу узкие поля убегают –
Белорусская земля дорогая.

«Задача такова: в город ворваться,
Мост захватить и от взрыва спасти.
Моста не отдавать, держаться, держаться
До подхода наших танковых сил.
А мы-то поспешим, мы выйдем на взгорье,
Прикроем артиллерией смелый десант.
Как ваша фамилия?» – «Лейтенант Григорьев!»
«Успеха вам, товарищ старший лейтенант!»

Беги вперед, беги, стальная пехота –
Двадцать два гвардейца и их командир.
Драконовским огнем режут пулеметы,
Охрана в укреплениях предмостных сидит.
Да нет, она бежит! В рассветном тумане
Грохочут по настилу ее сапоги,
И мост теперь уж наш! Гвардейцы, вниманье:
С двух сторон враги, с двух сторон враги!

Четырнадцать атак лавой тугою
Бились об этот малый десант.
Спасибо вам за все, товарищ Григорьев –
Командир десанта, старший лейтенант.
Вот берег и река, грохотом полны,
И мост под танками тихо дрожит...
Товарищ генерал, приказ ваш исполнен,
Да некому об этом вам доложить.

Кладбище немецких солдат в Смоленской области

Сергей Стахеев

Два письма

Рассказ

Странно упаковалась судьба живых и мёртвых россиян мужского и женского пола Стахеевых и Антиповых в Российские анналы. Зигзаги и кривопутья их жизней нельзя было уложить в суровые дни одного века. Как только я начал понимать слова МАМА, РОДИНА, ВОЙНА, РОССИЯ, я стал пытаться отца и маму:

– Пап, а пап! А ты воевал в гражданскую?

– Нет, сын! Я родился, когда всё закончилось... И Колчак, и японцы... – всё!

– А если б воевал, ты был бы за белых или за красных?

– Если честно, не думал... Времени не было на раздумья.

– А Отечественная началась ты где был? Тебя не ранило?

– Был я, сын на войне... И не убило меня, и даже не ранило. Свои пути у каждого бойца были, свои пули и осколки... Свои ордена и звёзды... Своя и смерть! И Берлин у каждого свой! А у меня ещё и Прага была... – отец разминал в пальцах очередную питерскую «Приму», и взгляд его становился тяжёлым, недостижимым.

– Ма! А ты воевала с немцами? Тебя тоже ранили?

– Нет, сынок! Я не воевала, но наша деревня была в оккупации.

– Что значит в оккупации?

– Фашисты жили в нашей деревне, и в соседней... В Мятлеве, в Кондрово!

В нашем просторном доме поселился офицер, какой-то высокий чин с водителем и денщиком. Хорошо они жили. Только и слышно было: «Матка! Курка! Млеко! Яйко! «,» Русише, швайн!» Ох, попала я один раз. Мамка спасла, твоя бабушка. Отец мой – колхозный счетовод – неплохо рисовал! Ему помогал брат Василий, который тоже умел здорово рисовать. И в колхозном клубе, и у нас в доме наши души радовали портреты Ленина и Сталина, которые они нарисовали. Рисовали кропотливо и тщательно – вожди ж!

Немцы в первый же день испортили портреты своей жуткой свастикой, а к вечеру я со своей двоюродной сестрой Раей Карасёвой эту свастику стёрли. Сколько мать пролила слёз, доказывая офицеру, что Зина – не есть дочь партизана и стрелять её нельзя.

А через три дня офицер принёс карту-двухвёрстку. Он смахнул со стола глиняный кувшин, солонку и два стакана, разложил её передо мной. Он тыкал в карту пьяными пальцами и дико веселился:

– Медынь, Южноф, Ярославец, Москва – капут! Сталин капут! Ленин капут! Ти, Зинка, капут!

И тогда я схватила карту и крикнула в лицо ошалевшему немцу, что ни в какой истории не прописана гибель моей страны. Тогда я чудом осталась в живых... И тоже благодаря твоей бабушке...моей маме. И ещё сто раз по разным причинам я могла стать жертвой войны. Самый главный наш враг тогда был голод

– Мам... Фашисты гады... Они сожгли ваш дом?

– Сожгли, сынок! Но немцы не все гады и нелюди. Заканчивалась зима 1942 года... От голода кружилась голова. Мы не знали, доживём ли до лебеды и крапивы. Денщика нашего

офицера звали Фриц! Сухощавый и длинный, он был настоящий фриц. В конце февраля он вбежал в дом и на ломаном русском и таком же немецком стал говорить, чтобы я бежала за ним.

Мы с Фрицем побежали в огород. Наст уже не держал, и мы всё время проваливались. Возле забора, закиданная колотым льдом и ошмётками соломы, лежало наше спасение, половинка... лошади. Как её сюда дотащил Фриц, было непонятно. Плакала я полдня... Эти пол-лошадки спасли моих братьев от голодной смерти.

Я рос, и слова МАМА, РОДИНА, ВОЙНА, РОССИЯ – стали для меня мальчишки не просто словами. Я всем сердцем проникся их сущностью. Мамы уже давно нет, родина – та большая, любимая и неделимая – разделилась-разлетелась в щепки да и войну начали переписывать, кому как нравится. Участников, тех, кто воевал или работал в тылу в годы войны, совсем не осталось, а которые остались, помнят самую малость.

Вот поэтому мы – Россияне века двадцать первого должны сохранить о них и их подвигах ПАМЯТЬ, каждую живую весточку века двадцатого.

Письмо моего дяди Толи я храню много лет. Оно потёрлось на сгибах, некоторые слова невозможно стало прочитать, но они – слова эти – восстанавливаются легко и быстро, восстанавливаются сердцем. Я его привожу полностью, не «причёсывая», немного поправив грамматику.

«Серёжа, Люба, Сашенька, здравствуйте!

Рады мы все (я и моя семья!) вашей торопливой весточке из далёкой и холодной Сибири. В Прибалтике у нас весна, правда, тоже холодная.

Служится нам по-разному, но жить можно. Мы ведь живём в военном городке в сорока километрах от столицы Латвии.

16-го марта я оказался с пятью бойцами в Риге.

Латышский легион Waffen SS, сформированный в марте 1943 года и вступивший в бой с Красной Армией под Ленинградом, маршировал по улицам латвийской столицы. Вот, дорогой племян, и попробуй объясни солдатам-срочникам, за что погибли больше ста пятидесяти тысяч воинов в боях за Латвию! Где-то здесь погиб наш сосед Витька Широков.

Я ведь, Серёжа, обещал тебе переслать Витькино единственное письмо с фронта. Мы ведь их соседи не знали, что он вздыхал и сох по моей старшей сестре и твоей матери Зине. Буквы порою не разберёшь, местами они совсем стёрлось. Возможно оно, письмо это, поможет тебе осмысленнее увидеть события того времени, понять значение Великой Победы и участия в ней каждого рядового бойца. Читай письмо, и ты поймёшь, что это не просто красивые слова.

«Зина... Зинка... Зиночка!

Девочка моя! Любимая моя... Видишь, как глупо всё получилось.

Так всегда у меня. Даже не попрощались! Я ведь в Питере. Приезжал за нашей колхозной техникой да так и остался.

Не успел я тебе сказать, как я тебя люблю, люблю давно и безнадежно. Говорил вашему Васе, чтоб он тебе передал... А он забыл, наверное!

А сказать самому надо было, но всё как-то неловко...

Так хочется потрогать твои кудряшки, взять в ладони твоё мокрое от счастливых слёз лицо, смотреть в синие-пресиние твои глазки. Смотреть бесконечно, долго-предолго! А еще... А еще целовать... Не отрываясь, волнуясь и задыхаясь. Тоже долго, всегда.

А хочешь знать, как мы попали под Лугу? Ну слушай! Роту прямо с эшелона слепили... В Мшинской к нам присоединились пулемётчики с двенадцатью ручными пулемётами... Ещё в смазке. Вооружили нас до зубов, только бейтесь-сражайтесь, родные, не дайте врагам по земле нашей ходить, а уж одели нас... во всё новенькое. Будто хоронить собрались. Автомат у каждого бойца... Патронов – по три цинки. Зато гранат – десять... И пистолеты – на всю роту! Повоюем, если с воздуха нас не разбомбят раньше.

А окапывались, Зин, мы вчера... правее ленинградки (Это шоссе, дорога, Зин, такая) за три дня нарыли мы столько...глубоко зарылись. Накормили нас досыта. Со мною наш калужский Санька Вараксин. А Луга рядом – в десяти километрах.

Командир наш – младший лейтенант Чистяков – он с Забайкалья тоже письмо подруге пишет. Тихо пока у нас... Ни самолётов, ни артиллерии! Вот и пользуемся. Знаешь, Зин, я командиру про тебя рассказал, какая ты у меня!

Тебя вспомнил и опять разволновался. А нам нельзя... Мы должны быть собранными... Ведь не сегодня-завтра будет у нас бой! У каждого свой! И свои звёзды... Если бы ты могла увидеть, какие у нас ночью звёзды. А в ста метрах река Луга, река, Зин, такая. Может, она хоть немного немцев задержит. Наша рота в боевом охранении на правом фланге дивизии. Завтра это письмо бросят наши почтальоны в Луге в почтовый ящик, а может, сдадут на почте. Прошу тебя за меня не волнуйтесь.

А фрицев мы побьём. Не скоро, но побьём.

А ты, Зина, береги маму и братиков своих. Вон они у тебя какие.

Ждите нас с победой.

Ваш Виктор.

3 июля 1941 года.

Ну вот, Сергей, дорогой мой племяш. Я выполнил свой долг перед своей сестрой и твоей матерью. А весточка её сердечного друга пусть тебе напоминает, что Любовь бывает не только к Родине. Зина долго его хранила, читала-перечитывала, иногда могла всплакнуть в подушку. После войны слёзы близко у неё были.

Пока, Серёжа, Люба и Сашенька... Пишите. Не отсиживайтесь в окопах.

И не ленитесь. Ваши прибалтийские родственники.

Ваш замполит д. Толя, т. Рая, Наташа и Танечка.

03.06.2001 г.»

А в Риге столице Латвии 16 марта по улицам и площадям маршируют фашисты, увешанные крестами и другими наградами.

Эти два письма и три фотографии военной поры передо мной.

Они пахнут горечью утрат и немного... порохов. Молодёжь о войне по газетам да фильмам судит. А мы, родившиеся после войны, умеем не только хранить Память, но можем крепко держать в своих руках боевое оружие.

А Берлин пусть будет...красивый и ухоженный с немецкой педантичностью, город художников и кинематографистов... У наших миллионов погибших мальчишек и девочек был свой Берлин...

Вечная им память!

СТИХИ

Татьяна Евдокимова

Ветераны

Собрались за столом ветераны,
Блеск в глазах, на груди ордена.
В этот день не болят у них раны,
Что оставила в память война.
За столом они все как родные,
Разговор их идет об одном,
Как вернулись домой чуть живые,
И о тех, кто покинул свой дом.
О друзьях, о жестоких сраженьях,
И о тех, кто их вел за собой.
Черный хлеб на граненых стаканах,
Есть обычай такой фронтовой
Поседели давно ветераны,
Их остались немного в строю,
Пусть не мучают старые раны,
Что получены были в бою.

Звезда

Когда падает с неба звезда
Я свое загадаю желанье,
Пусть не будет войны никогда
И любовь пусть спешит на свидание.
Пусть под блики вечерних зарниц
Наливаются в поле хлеба.
И с моих и твоих ресниц
Пусть не капает с горя слеза.
Я немного совсем прошу
Мира, счастья для всех людей,
Свои руки к тебе возношу
Ты исполни желанье скорей.

Нет войне!

Давно истлели кости тех солдат,
Что по стране в сырой земле лежат,
Но получают внуки ордена,
За всех за тех, что забрала война.
Бессмертный полк шагает по стране,
Как память о кровавой той войне.
И если родина нас позовет опять,
Её границы станем защищать.
Не отдадим врагу и пядь земли,
Ведь за нее отцы и деды полегли.
Пусть выстрелы грохочут от салютов,
А гром гремит лишь только при дожде,
И гул плывет с небес от самолетов,
Что триколор рисуют в вышине,
Пусть будет мир на всей нашей земле.

Письмо с фронта

Плывут по небу облака,
Закрыв последнюю звезду.
Наступят скоро холода,
А я все жду тебя и жду.
В руках держу твое письмо
В котором пишешь ты: люблю.
Уж много лет с тех пор прошло
А я его еще храню.
Дороже нет того письма,
Что пахнет запахом войны.
Оно написано тобой
В минуты редкой тишины.
У сына все твои черты
А дочь похоже на меня,
И если б не было войны
Какая же была б семья!
Растут хлеба на тех полях,
Где шла война, где проливалась кровь.
Растут цветы на тех лугах,
И там сейчас цветет любовь.
Письмо я помню наизусть,
Но все равно в руках держу,
Где ты писал, что «Я вернусь!»
И я тебя все жду и жду.

У вечного огня

У вечного огня застыла в скорби мать,
Ей сына никогда теперь уж не обнять.
Плитой придавлена сыночка грудь,
Из-под неё ему уж не вздохнуть,
Руками нежно гладит каску мать,
Убийцу сына просит Бога покарать,
От имени всех русских матерей,
От тех, кто потерял своих детей,
Душой и сердцем может
Только мать.
И только мать до дней последних будет ждать.
И сына незабвенно вспоминать.
У вечного огня нам надо помолчать,
И за твоих сынов
Спасибо тебе мать.

Яна Зарубина

В каждом русском человеке,
В душах наших с вами соотечественников,
Есть воспоминание о прошлом веке,
Возможно из кино и из учебников.

Что не сломить нашу страну огромную,
Не запугать, не спрятать в лагерях!
И силу нашу с вами неуёмную,
В жестоких мы проверили боях!

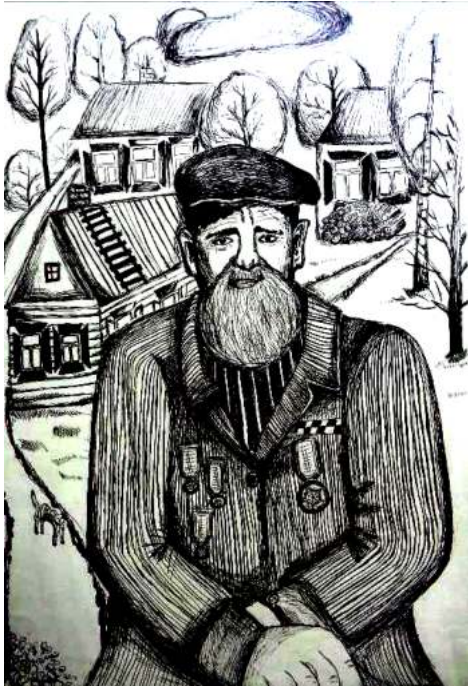
За смерти те, что были нескончаемы,
Мы помним, ценим и скорбим.
Не доводите русских до отчаянья,
Врагу мы Родину не отдадим!!!

Нам Победа тяжело досталась
В сорок пятом давнем том году.
Всё, что после пяти лет войны осталось
Разруха со смертью в каждом роду!

У всех похоронки, калеки и голод.
Все силы мы отдали этой войне.
Кто выжил и был относительно молод,
Остался в разбитой бомбежкой стране.

И в каждой семье были сломаны судьбы,
Потерям тех лет, не будет числа
И люди возможно хотели забыть бы,
Какие им беды война принесла!

Но чтили героев, писали романы,
Парады Побед всей страной отмечали,
Хоть были свежи и болезненны раны,
Салюты пускали, сквозь слёзы печали...

«Спасибо Деду за Победу!!»
Осталась надпись на авто.
Немного знаем мы об этом,
В кино смотрели кое-что.

Лишь в мае выходной напомним,
Про те тяжёлые года.
И мало их, кто лето помнит,
В которое пришла беда.

И звук войны для нас всё тише,
Уже других героев чтим.
Стихи мы о войне всё реже пишем
И мирным небом меньше дорожим!

Но каждый помнит роковые даты
И каждый раз срывается слеза,
Когда ты понимаешь, что солдаты
За наше счастье бились до конца...

Татьяна Кравцова

Помним дни, когда земля горела

Вопреки всем бедам и невзгодам,
Вопреки всему, кто против нас.
Мы живём и радуемся с природой,
Мы за мир цветущий в этот час.

Коварный враг, как ворон к нам пробрался,
Но не сумел сломить – не устоял.
Ведь за державу нашу весь народ поднялся:
И стар, и мал душой переживал.

Помним дни, когда земля горела,
И неба купол затянут пеленой.
Моя страна – она сумела
Восстать из пепла и справиться с войной.

Я не могу сказать за всех,
Но я уверена в одном.
Победа только и успех,
Мечтал солдат и думал лишь о том.

Мечтал, как встретит вновь семью,
Детей, жену и дом.
Сегодня песнь я вам пою,
Лишь о войне, но о былом.

Так пусть же мир на всей земле
Лишь торжествует и поёт.
Все хором скажем – нет войне,
А боль людская пусть пройдёт.

След неизгладимой раны

Война ушла, остался след –
След неизгладимой раны,
Но наш остался ваш успех,
Страна живёт, живёт, свершая ваши планы.

Мы – поколение из тех,
Кто строит мощь страны.
Нам важен очень ваш успех
И этим мы горды!

Мы до сих пор в строю идём,
Мы помним подвиг ваш.
И песнь сейчас о вас поём,
Звучит она как марш...

За тех, кто жив сейчас,

Я – торжествую!
Кто шёл плечом к плечу,
Я торжествую и кричу «Спасибо вам!»

Спасибо вам за мир земной,
За солнечный рассвет.
Поклон от нас вам до земли за жизнь,
Её ведь краше нет.

Награды ваши на груди сияют,
Так пусть же люди видят, знают,
Что за каждую награду шёл солдат, так до упаду,
Полз ползком, стоял в строю, защищая мир в бою.

Простой солдат все муки перевозмог,
Он сделал всё, что смог и что не смог.
Он выстоял, ему и слава,
Сегодня у солдата есть на это право!

Нина Рукасуева

Бессмертный полк

Уже не первый год,
Мы отмечаем День Победы.
Уже не первый год, бессмертный полк идёт.
Бессмертный полк шагает по земле и днём и ночью.

Виден он во мгле!
И это значит, что жива Россия.
Совсем не зря бессмертный полк идёт.
И в будущем и настоящем, конечно, он Россию сбережёт.

Идёт по улице колонна,
Подняв портреты над собой.
И мой отец там улыбается, слегка качая головой.
Суровы лица, взгляд нахмурен.

Как будто снова в бой –
Не бойтесь люди,
Мы за вас заступимся,
И встанем мы за вас стеной!

Моему отцу посвящается

Мой отец воевал в пехоте,
Был разведчик неплохой,
А что касается историй,
Мог рассказывать с лихвой.

Рассказал он нам однажды,
Как в атаку он ходил.
Как вся рота полегла там,
Живой остался он один.

Отец служил в Узбекистане,
Знал их быт, и речь их понимал.
Так что при случае с друзьями
Этим даже щеголял.

В полк прислали роту из узбеков,
Их в полку никто не понимал.
Отца вызвали и назначили,
И поэтому он эту роту возглавлял.

Командир однажды вызывает
И с тревогой папе говорит:
«Разведка боем, пойдёшь ты с ротой первым,
Ты же видишь – немец что творит».

Чтоб узнать, откуда немчура стреляет,
Пойдёшь ты первым с ротой своей.
Прости, что на погибель отправляем
Ради грядущих светлых дней.

Испугался очень сильно,
Всю-то ноченьку не спал.
Утром мы пошли в атаку,
Я ту роту возглавлял.

Сколько наших поубило,
Я боюсь даже считать.
Вижу, кочка небольшая,
Надо ближе к кочке встать.

Немец словно обалделый
Бьёт и бьёт, как на убой.
Только голову поднимешь –
Тут как тут и неживой.

Видно, снайпер был прекрасный.
Заприметил он меня.
Руку мигом прострелил мне,
Сам же был за кочкой я.

Вот и ногу прострелил мне,
Убежать я не могу.
Сразу он меня застрелит,
Если на мушку попаду.

И сажу за тою кочкой.
Да! Вся рота полегла.
Ни вперёд, ни взад не выйти –
«Вот загадка для меня».

Наконец-то ночь настала,
Вылез я и вниз полез
Руки-ноги занемели,
Но ползу – а иначе же конец!

Вижу поле пред собою,
Копны рядышком стоят.
«Дай- ка, спрячусь я в копёшке,
Будь, что будет, – говорят».

Ещё пуще немец злится,
И стреляет каждый раз.

Я сижу в этой копёшке,
«это мой последний час».

Слышу, лошадь вдруг заржала,
Кто-то к капёшке подошёл.
Нутром чую, что не немец,
Значит кто-то свой пришёл.

Мужик, вижу, бородатый.
«Ой, солдатик мой родной!
Давай быстренько в подводку,
Да спешим скорей домой».

Мне, конечно, повезло,
Что мужик за сеном ехал.
Да меня там увидал,
И в санчасть нашу отдал.

Снайпер всего меня отделал:
Ногу-руку прострелил.
На голове он дырку сделал
И ключицу повредил.

В лазарете провалялся
Восемь месяцев, друзья,
Но на фронт опять собрался.
Да окончилась война.

Почтальон приносил похоронку,
Но мама знала, что отец живой.
И действительно, очень скоро,
Отец израненный пришёл домой.

Эту историю мама мне рассказала,
Как папу она на фронт провожала.
Папа всё время смотрел на часы,
Как будто они расставанье отсрочить могли.

Мама рюкзак собирала, рыдая, папа просил
– Ну не плачь, дорогая!
Скоро, ну скоро, вернусь я домой,
Только дождись, не горюй и не вой!

Всё, сказал папа,
– Времени нет,
Наверно уже эшелон подошёл,
И все собрались на вокзальный перрон.

Папа бегом побежал по дороге,
Мама едва поспевала за ним.
Вот и вокзал показался вдали,
Мама и папа шаг напрягли.

Плач, шум и гам
На перроне стояли.
Плакали все, кто-то рыдал.
А эшелон уж солдат поджидал.

Вот и команда звучит,
Солдаты все быстро в вагоны.
А мама вцепилась в отца
И держит его за погоны.

– Родная, мне надо идти!
Не держи, ты меня отпусти!
Я скоро вернусь, только жди.
Себя и детей береги.

А поезд, тем временем, скорость набрал.
Прощальный гудок вдаль прозвучал.
А мама за поездом долго бежала,
Споткнулась о рельсы и сильно упала

Как будто бы знала, плача и крича
Что папу больше не увидит никогда.

Сергей Стахеев

Моему отцу – Петру Семёновичу Стахееву – посвящаю...

Был бы жив той весной мой отец!
О войне я бы с ним ПОМОЛЧАЛ, наконец!

Я бы с ним ПОМОЛЧАЛ просто так в тишине,
Ведь отец не любил говорить о войне.

Я бы громко МОЛЧАЛ о войне, о любви...
Взрыв!
И вот он ползёт весь в крови!

А зелёный фанерный простреленный «Зис»
Над громадной снарядной воронкой повис.

Но одной он секунде был сказочно рад,
После взрыва – контузия и... медсанбат!

А потом.. А потом... А потом... А потом...
До Берлина и Праги сто сорок потов!

И за Прагу медаль, за Победу медаль,
А за Вену не дали, скандаль – не скандаль!

Это был сорок пятый. В дыму полстраны
Боже! Как далека до родной стороны...

Как бы ни был изранен, но греют мечты:
«Доберусь, доползу до любимой Читы!»

Голод город скрутил. А Чита-то не та!
Стала послевоенной родная Чита!

И добрался, дошёл... Чернобров и высок,
Видно, будет красивым и умным сынок!

А сынок – это я! Шевелюры уж нет,
Зато дети и внуки. И добрый Тайшет!

Был бы жив той весной мой отец!
О войне я бы с ним ПОМОЛЧАЛ, наконец!

Ольга Шолохова

Бессмертный Полк

Моему отцу
Карпову Алексею Ивановичу

Победный праздничный Парад!
Весь мир к Победе прикоснулся.
...Как много лет тому назад
С Победой мой отец вернулся.

Его, умершего от ран,
Так много лет уж нет на свете.
Могилы тоже рядом нет –
Лишь взгляд усталый на портрете.

На жёлтом снимке лейтенант
Застыл на Вечное мгновенье.
На гимнастёрке нет наград,
Нашивка только о раненьи.

...Среди обугленных полей
Рёв пламени из адской пасти,
А дальше – ряд госпиталей
И краткий миг простого счастья.

Так омерзительна была
Могилы реюшая сеча!
Но Жизнь на Земле принесла
Войной назначенная встреча.

...Ещё метались по Земле
Разруха, голод, пепел, беды,
А эта жизнь досталась мне:
Я на год младше Дня Победы.

Теперь по прожитым годам
Мне в сыновья отец годится.
Господь ему рассрочку дал,
Чтоб я могла на свет родиться.

Чтоб жатве смерти вопреки
Жизнь продолжалась на планете.
Сошли с Божественной руки
Рождённые войною дети.

Война солдата догнала,
Достигла кровожадной цели.
Я слишком маленькой была,
Поговорить мы не успели.

О чём он думал? Что любил?
Теперь никто уж не расскажет.
Боец, оставшийся без сил,
За Родину в могилу ляжет.

Вот только Родина о нём
Совсем не помнит и не знает:
«Учёт погибших не ведём», –
Архив столичный отвечает.

...Всё дальше зарево войны,
Всё крепче сон, и небо ясно,
Но нет Великой той Страны,
Где жизнь была такой прекрасной!

О той стране летит враньё,
Коварный бес умами правит,
Кружит над нами вороньё,
Спешит стереть Святую Память.

И я спешу предупредить:
Кто Армию забыл родную,
Тому судьба рабом ходить
И армию кормить чужую.

Вот потому Бессмертный Полк
Идёт торжественным Парадом,
И гордо реет алый шёлк,
И предки, и потомки – рядом!

А вы, потомки тех ребят,
Что грудью Землю закрывали,
Идя тропой простых солдат,
Жизнь за отчизну отдавали,

Храните свято ордена,
Услышьте из победных залпов
Бойцов погибших имена.
Вот лишь одно: Алёша, Карпов.

Запомните: Алёша! Карпов!
Чтоб от окраин до Кремля
Под чистым небом
Гордо! Твёрдо!
Стояла Русская Земля
И ныне! И Присно! И во веки веков!

Дети о войне

Лия Клещова

Гриша

Рассказ

Фотография вложена в старую книжку
И забыта среди пожелтевших страниц.
Невысокий, в шинели, какой-то парнишка,
Улыбаясь, глядит из-под длинных ресниц...
Светлана Одинокая

Не случайно вспомнились мне строки из этого стихотворения. Дело в том, что о человеке, о котором сейчас пойдет речь, я узнала благодаря такой же забытой, старой фотографии.

Как-то раз мне нужно было найти значение какого-то слова, для чего я открыла словарь Ожегова. Нужная мне страница открылась легко, благодаря закладке – старой фотографии, с которой на меня глядел молодой парень. Мне, конечно же, стало интересно, что за человек запечатлен на снимке. Я обратилась с этим вопросом к своей маме. Реакция ее меня несколько удивила: она долго, с трепетом и гордостью рассматривала фотографию. Наконец она ответила мне:

– Это мой дядя, и он – герой. Мама рассказала мне, что парня с фотографии зовут Гришей, что он родной брат ее мамы, что на фронт он ушел совсем юнцом и, к сожалению,

не вернулся домой живым. Но для меня этого было мало, мне хотелось узнать что-нибудь еще о Грише. На антресолях мы нашли письма, которые Гриша писал с фронта своим родным. Они были такими ветхими, что их почти нельзя было прочесть. Но всё-таки мы смогли потом разобрать Гришин почерк, его постоянные «... с красноармейским приветом к вам...», «...жив, здоров...». Было понятно, что он очень скучает по родным и по дому, но старается этого не показывать, чтобы еще больше не ранить сердца своих родителей. А строчки, в которых он обещает привезти сестренкам береты, помаду и туфли, когда кончится война, тронули меня до слез. Война кончилась, но Гришу это не вернуло. Он так и не привез своим сестрам обещанных подарков. Свое последнее письмо домой он написал незадолго до своей гибели. В нем он извинялся за то, что долго не писал, и обещал писать чаще. Вот такая злая шутка судьбы. Думал ли он, что это его последнее письмо? И что бы он написал в нем, если бы знал, что оно последнее? Этого мне уже

никогда не узнать.

Гришиных писем нам все равно было мало. Поэтому моя сестра попросила своего друга найти какую-нибудь информацию о Грише в военном архиве. Он узнал, что Гриша был старшим сержантом, погиб во время боевых действий и был награжден медалью. Узнав обо всем, я решила идти с портретом маминогo дяди, моего деда Гриши, в Бессмертном полку, который как раз впервые проходил в нашем городе.

Позже, узнав о наших поисках, к нам присоединился мой дядя, мамин брат. Он внес неоценимый вклад в наше общее дело. Дядя нашел документ, в котором говорится, что «Нач. Телефонной станции 2-го батальона Ст. Сержант ЧЕРНОВ Григорий Михайлович за то, что он во время боевых действий полностью обеспечил батальон связью...» награжден медалью «За отвагу», «...несмотря на сильный огонь противника он сам лично устранил 8 неисправностей в линии...» Также, благодаря дяде, стало известно, что Гриша похоронен в братской могиле на Украине. Эта могила теперь стала памятником Великой Отечественной войны. К счастью, за ней ухаживают, и она находится в хорошем состоянии и сейчас.

Теперь, зная всю историю, я могу с уверенностью сказать, что Гриша – действительно герой. По крайней мере, для меня. И каждый год, 9 Мая, я с трепетом и необъяснимым волнением иду на площадь, с которой берёт своё начало Бессмертный Полк, чтобы потом с гордостью поднять фотографию Чернова Григория Михайловича к небу, к солнцу. Пусть он видит, что его смерть не была напрасной, что он отдал свою жизнь во имя нашего мирного настоящего.

Диана Васильева

И снова в бою,
И снова в огне –
На нас нападают фашисты.
Но мы не сдались,
А снова боролись
За честь нашей славной отчизны.
И вот уж конец столь жестокой войне.
Победа... вот главное слово!
Спасибо всем тем, кто нас защитил,
И мир всем сберег на планете!

Юлия Зельманович

Мы помним тот ужас, тот страх и отчаяние:
Как слезы лились с женских глаз по щекам,
Как дети, невинные, бледные, маленькие,
На руки просились к больным матерям.

И холод, и голод людей настигали
Они все не жили – они выживали!
И в этих условиях русские люди
Ни честь, ни страну никому не отдали

И семьями гибли, и близких теряли.
От голода их «разрывался» живот,
Но все пережили, стеною стояли
И каждый из них тогда был патриот.

Их дух боевой не давал людям сдаться
И все они верили – скоро конец,
Что Красная Армия сможет прорваться
И снять с Ленинграда блокаду навек.

Никита Озолс

Д/саду № 15 г. Тайшета посвящается

Когда фашистов били наши деды,
Солдат из дома весточке был рад.
В тайге сибирской, где всё для Победы
Назло врагам открылся детский сад.

Была война, а женщины рожали,
Любовь короткая... но от того ценней.
Мы здесь в тылу победу приближали,
Ведь нет же нашей Родины родней.

Упрёки он, бывает, в адрес слышит.
Да! 77 ему! И что теперь?
Он в унисон с Победой нашей дышит.
Здесь для детей всегда открыта дверь.

Здесь доброты частица, что на свете,
На красоту ложится только взгляд.
Берёзы бесподобны, посадили дети,
Их дети тоже посещали этот сад.

Заря весны сменяется туманом,
А он не знает пафоса и лжи.
Не понимает подлости, обмана,
Всё также охраняет рубежи!

Анна Перевалова

Взрывом на землю родную спустилось
Самое страшное слово – война.
Тучи, снаряды и танки... Бессильный
Взгляд на прощание бросит жена.
Словно и не было мирного неба,
Будто сто лет продолжается мрак.
Кто ни минуты под пулями не был,
Полностью бой не узнает никак.
Взрывом на землю родную упали
Самые страшные годы – война.
Знаешь, потомок, как все воевали,
Чтобы сберечь это слово – «страна»?
Знаешь, потомок, как все воевали,
Чтобы сейчас, по прошествии лет,
С честью и гордостью мы создавали
В нашей стране благородство и свет?
Знаешь ли ты, как под грозною пулей,
В сердце мгновения жизни храня,
Пали солдаты и не зачеркнули
Жизнь для людей, для тебя и меня?
Знаешь ли ты: чтоб добиться Победы,
Сквозь мириады преград и смертей,
Предки пробрались? Чтоб в будущем где-то
Жизнь расцветала для юных детей,
Гибли герои, солдаты и песни,
Гибли любовь, равнодушие, жизнь...
Это урок, чтобы с самого детства
Всем нам сказали: «Потомок, держись,
Даже когда разрушаются жизни,
Даже когда на кону вся судьба!
Смело шагай, не сдавайся! И смысла
Нет, если сдашься, но будет борьба!»
Взрывом на землю родную... и снова
Строки о боли, о жизни взаимы...
Стой до последнего, русское слово!
Стой за других, представитель страны!

– Ты знаешь, мама, мне приснился сон, –
Сказал мальчишка маме в сорок пятом, –
Как будто почернел весь небосклон
И не кричат на улице ребята,

Как будто ты, укутавшись в слезах,
Отца куда-то грустно провожаешь,
Зачем-то мчат солдаты в поездах,
Стремительно во мгле ночной скрываясь.

Во сне моём шумел гранатомёт
(И всё вокруг черно, в дыму пахучем),
Солдаты заряжают пулемёт,
Вокруг бои, трагедии и тучи...

Приснилось мне, проголодался я,
Бегу домой, тебя зовя с собою,
А дым вокруг, как знак войны, стоял,
И ты мне отвечала тишиною.

И я в дверях в смятении стоял,
Но тут... услышал громкий звук бомбёжки,
Потом тебя искать я побежал,
Волнуясь и дрожа ещё немножко.

Я прокричал с отчаянием: «Мама!»,
Но голос мой лишь эхом отдавался

В большом густом скоплении тумана,
И... на него никто не отозвался...

Потом лишь только понял... этот сон...
Он не был сном, но я упрямо верил,
И в памяти надёжно залегло,
Как звал тебя, любого громче зверя.

Но... не дозволялся, мама, очень жаль.
Надеюсь, что когда-нибудь проснусь я,
И снова вместе будем мы шагать
Вблизи речного, голубого русла.

Но этот сон четвёртый длится год,
А я не сплю. Я жив. И я скучаю...
И снова почернел весь небосвод
Как символ горя, грусти и печали.

Шёл сорок пятый год, и мальчик плакал,
И клал цветы он маме на могилу.
Не веря в гибель русского солдата,
Не верил, что и мать его убили...

И это быть должно для нас уроком,
Покуда жизнь есть в наших светлых душах,
Ведь за неё погибли раньше срока
Все те, кто тоже был кому-то нужен.

И не забудем мы о тех Героях,
Что подарили мир и свет народу!
И сколько жизней им Победа стоит,
Такой ценой мы выиграли свободу!

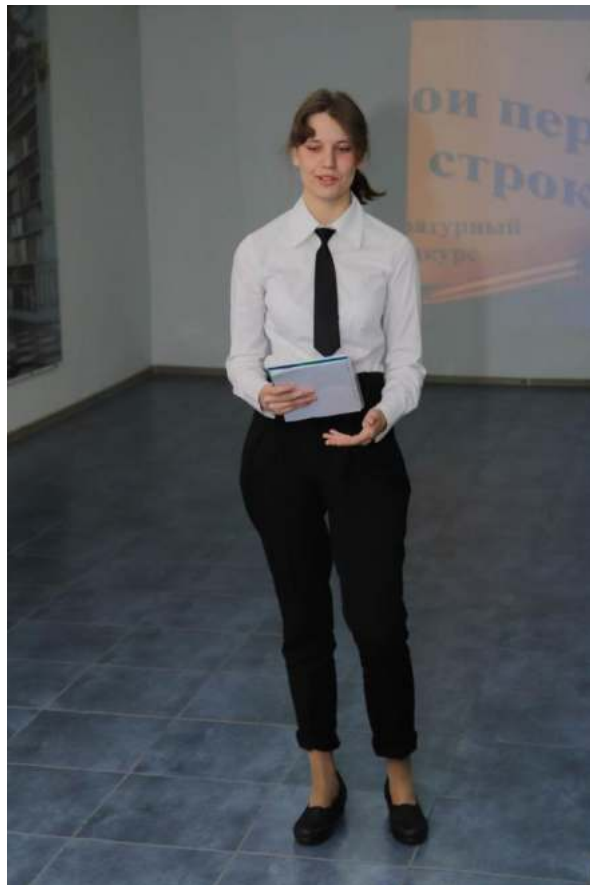

Павел Пустынский

Пусть войну никогда не забудут
Пусть живут они в наших сердцах
Те чьи подвиги в вечности будут
Те кто вынесли боль всю и страх

Те кто спас мир от вечного рабства
И победу сквозь смерть пронеся
Люди отдавшие жизни богатства
В долгу перед ними родина вся

И не стоит победой кичиться гордо
Их победы и жертвы не наша заслуга
Вновь нам войн и страданий не надо
Не нужно повтора того ракового недуга.

Ульяна Семёнова

На следующий день на войне

Ещё вчера мы вальс танцевали,
А на следующий день на войне,
Слышали, как взрывы полыхали
И степи горели в огне.

И мысль одна «Выжить,
Продержаться ещё немного!»
Невинных души защитить,
Но поздно подоспела подмога...

Над нашей страной нависла тень,
И храбрые солдаты умирали
Как в осенний дождливый день
Листья с деревьев опадали

Но вот с колен встаёт страна,
Не сломлена, уж чувствует луч света,
И поднимают в небо знамена,
Народ России празднует победу!

Воспоминания

Мария Алёхина

Война глазами шестнадцатилетних

Рассказ

Первые месяцы войны

Когда в воскресенье, 22 июня 1941 года, началась война, мы с Севой Ивановым безмятежно спали. Спали крепким юношеским сном, накупавшись досыта в субботу в Ворскле около Михайловского хутора. Варвара Алексеевна не будила нас, даже ставень не открывала, чтобы не вспугнуть солнечным лучом наш сон.

Это была последняя в нашей жизни мирная ночь, последний сон, которому не суждено было повториться долгие годы...

Сны детства. Как и само детство, они неповторимы. Их безмятежность настолько глубока, что каждому показалось бы кощунством нарушить насильственным путём сон, прервать детские сновидения, в которых почти все мы легко и плавно летали, как птицы. Летали – значит, росли, росли во время сна.

Мне помнится давнишний сон той незабываемой поры.

Весна. Пышно расцвела верба у калитки Кости Щербака, моего соседа. Над жёлтыми, словно только вылупившимися из яиц цыплятами, – цветами летают роями пчелы, и я среди них порхаю. Тёплый воздух струится вокруг меня, чувствуется крепкий аромат цветущей вербы, и совсем не страшно парить над землей. Даже сердечко не ёкает, не захватывает дух от высоты. Как радостно, как хорошо!

К нам домой мы добежали с Севой в момент перерыва в радиопередаче после выступления В. М. Молотова.

– Ну, хлопцы, война! – встретил нас у порога дядя, окатив, словно ушатом холодной воды, этой короткой, незабываемой фразой.

Мы остолбенели от такого неожиданного сообщения и словно онемели на какие-то считанные мгновения. В широко открытых глазах, и моих и Севы, застыл испуг. Мы молча смотрели то на друг друга, то на дядю, то на дедушку, опирающегося на палочку возле репродуктора «Рекорд» у трюмо. Дедушка в раздумье покачивал головой, и его седая борода – лопата то закрывала, то обнажала пуговицу наглухо застёгнутого френча из серого шинельного сукна. Возможно, в эти минуты в его памяти проносились воспоминания о первой Мировой войне, тоже развязанной немцами.

Услышав от дяди содержание выступления Молотова, Сева со всеми распрощался, заявив, что ему как курсанту ОБТУ, необходимо немедленно явиться в училище.

Во второй половине дня, когда мы провожали Севу на вокзал, на видных местах были расклеены приказы военкомата о мобилизации. Белые, ещё пахнущие типографской краской листки, удостоверяли страшное сообщение о войне. Возле них толпились кучками люди и говорили вполголоса между собой, как на похоронах.

С этой самой короткой летней ночи началось затемнение города. Как только опускались сумерки, город, всегда ярко освещённый гирляндами электроламп и наполненный шумными потоками людей, словно вымирал.

Нигде ни души. Только шаги патруля да редкая команда:

– Стой! Кто идёт?

Проверка пропуска едва уловимым из рукава лучиком фонарика и снова гулкие шаги, отдающие в ушах звоном среди тишины ночи.

В первые же дни войны все стекла в окнах были оклеены диагональными крест-накрест полосками бумаги или марли. И затемнение и оклейка стёкол – противобомбёжные мероприятия, проводимые повсеместно. Существовала реальная угроза ночных бомбёжек немецкой авиации. Ночной патруль придирчиво осматривал все окна домов, и если где-либо в щелки ставень просачивался свет, раздавался стук в окно и грозное предупреждение:

– Нарушаете затемнение!

Поэтому окна изнутри завешивались одеялами, и свет удалялся от окон. Да мало кто вечерами сидел при свете. Ложились рано, подолгу напряжённо вслушиваясь в тишину ночи. Но её ни разу за всё лето и осень не нарушил гул вражеских самолётов. Они обходили Ахтырку стороной, как малозначащий стратегический рубеж. Бомбили важные железнодорожные узлы и военные объекты Киева, Харькова, Днепропетровска.

Мобилизация шла ежедневно, и ежедневно эшелоны товарных вагонов увозили призванных в армию. От военкомата до вокзала к трём часам дня каждый день шествовала процессия мобилизованных и провожающих. Солдаты – кто в чём – с котомками и вещевыми мешками шли по мощеному гранитом шоссе посреди улицы, а родные – по тротуарам с двух сторон и обочинам дороги.

Тоскливое молчание сопровождало каждую партию. Заплаканные лица женщин и детей, скорбный взгляд стариков, кривобокая улыбка призванных. Все понимали, что для многих этот путь – последний по родной земле. И многим не суждено было пройти его в обратном направлении. Как Глебу, Никифору – моим товарищам довоенных лет.

Положение военного времени со многими ограничениями было непривычно. Воля людей сковывалась жёсткими законами. И никто не верил, что так может продолжаться долго, что мы не сможем остановить вражеские полчища и отбросить их за пределы Родины.

Таким было настроение первых дней и недель войны.

На самом же деле немцы всей мощью порабощённой Европы набросились на нас и действовали с исключительной напористостью и инициативой. Рос список оставленных нашими войсками после упорных боёв городов, населённых пунктов, областей.

Уже через месяц, в июле, через Ахтырку потянулись подводы, гарбы и машины с беженцами с западных областей, в основном евреев.

У нашего соседа, деда Мусия Дудника, остановилась большая еврейская семья из Дунаевец. Во главе семьи была мать – проворная и солидная по полноте женщина. Она ежедневно приносила с базара живых кур, резала их сама, скубла и потрошила, варила на кирпичках среди двора в закопчённом казанке суп. Здесь же, у временного очага обедала вся семья – человек шесть ребятишек, говорливых, веснушчатых, как и мать.

Мы поражались, откуда могло быть столько денег у такой большой семьи. Красные тридцатки так и мелькали в руках у матери. Целый месяц они простояли у Мусия и уехали, когда немцы подошли к Днепру.

Вся семья благополучно пережила войну за Уралом. Конечно, таких семей беженцев-евреев было немного.

А беженцы всё ехали и ехали через город на Восток. Через город потянулись стада крупного рогатого скота. Голодные коровы надрывно мычали, впивались в траву около заборов и по обочинам канав. Щелкали хлысты – длинные ременные батоги с тяжёлой металлической гирькой на конце. Блеяли овцы, сбиваясь кучами в самых заторных местах. Лучше не выходить на улицу или обойти её, если попалось навстречу стадо скота.

Многоголосый рёв невольно нагоняли боль и тоску на каждого, кто молчаливым взором сопровождал стадо и мысленно спрашивал себя: «Что случилось, что произошло, и долго ли будет продолжаться отступление?» Но оно продолжалось...

Занятия в школе начались не первого, а пятого сентября. Постоянного расписания не было, поскольку многих учителей призвали в армию.

Поредели и классы. В десятом нашем не было Нины Хоменко – детского моего увлечения. Её семья эвакуировалась, уехали Лосевы – не стало Бэлки. Некоторые просто не

ходили в школу, оставшись старшими в семье, и устроились на работу, чтобы помочь матерям. Последние занятия состоялись девятого октября. В этот день из города уехали райисполком и райком партии. Заводы и многие учреждения уезжали в августе и сентябре. Ателье военторга, где сторожевал дедушка, ликвидировалось рано, раздав заказчикам шитьё в любом виде: пошитом, раскроенном или просто отрезом.

На станции круглосуточно грузилось оборудование трубного завода и завода связи, сельскохозяйственная техника; всё, что способно было передвигаться самостоятельно: машины, трактора – ехало своим ходом, до отказа нагруженное.

Город стал похож на бурлящий котёл. Вначале были ночные передышки, а затем и ночью всё ехало, шло, перегонялось по определенным улицам и маршрутам. В июле городская больница, а позднее здание педагогического техникума были оборудованы под военные госпитали и стали принимать раненых с фронта.

По заданию горкома комсомола из участников самодеятельности городских школ и техникумов было создано несколько агитбригад, выступавших с концертами перед ранеными в госпиталях. В нескольких программах принимал участие и я, читая собственные стихи на военную тему.

Знойный июль сменился августовскими дождями. Налёт дождь лужи, расквасятся дороги, но пары солнечных дней достаточно, чтобы всё проветрилось и подсохло. Ближе к осени подсыхать стало хуже, грязи появилось больше на разъезженных дорогах. За всю историю их существования по ним не прошло столько транспорта, людей и скота, сколько за эти первые месяцы войны. Но они ещё сохраняли свой первоначальный профиль.

С конца августа – начала сентября до города стали доноситься отдаленные раскаты войны. Поселившийся в нашем доме генерал Белобородов на чёрной легковой машине уезжал по утрам в сторону Полтавы. Возвращался поздними вечерами уставший и пил свой чефир, чтобы взбодриться, а иногда, продрогнув под осенним дождём, просил дедушку сбегать за самогоном к Будячке Паше. Его адъютант, капитан Костя, и медсестра Лида открывали банку тушёнки, а дедушка готовил по-быстрому картошку.

Генерал явно симпатизировал дедушке, всегда приглашал к столу и часто с ним беседовал. У них было обоюдное влечение друг к другу. Дедушке в сорок первом было шестьдесят пять лет, а генералу, по-видимому, шёл шестой десяток. Разница в возрасте не превышала десяти лет. Оба участвовали в первой Мировой войне. Но генерал был высокий, плечистый, холёный, по-военному подтянутый – профессиональный военный. Свою плешину или седину он скрывал чисто выбритой головой. Не мог скрыть усталых морщин на лице, мешков под глазами от бессонных ночей и переутомления. Часто грелся у голландки и просил дедушку пожарче её топить. Так и дремал сидя. А дедушка ростом на две, а то и три головы ниже, щуплый, с седой бородой-лопатой и лысиной со лба, измученный пленом, болезнями. Генерал опрокидывал кружку самогона, а дедушка – чарочку. И оба по хмелю были наравне. Любил слушать генерал дедушкины рассказы о войне, об отношении австрийцев к пленным. Слушая, он иногда что-то уточнял, словно сопоставлял прошлое с настоящим.

В октябре артиллерийская канонада из-под Полтавы слышалась всё отчетливее. Мы, сидя на уроках, прислушивались к ней с тревожным любопытством. Война приближалась к порогу города, где мы родились, росли, учились.

Генерал Белобородов не скрывал от дедушки, что бои шли тяжёлые за каждую пядь земли. Но может случиться и так, что нужно будет отойти на новые рубежи и оставить город. После девятого октября генерал не возвратился на свою квартиру. Осталось пол-ящика свиной тушёнки под столом в спальне, где спал адъютант Костя да три пары нового нижнего белья. Дедушка ничего не трогал и закопал всё это в сарае, закрыв хвоей перед самым приходом немцев. И хорошо сделал, иначе в первый же час ничего от этого не осталось бы.

Что творилось в августе и сентябре в нашем переулке, откуда были выселены все жильцы, – мы не знали. Только после девятого октября на усадьбах соседей мы обнаружили

два огромных блиндажа с многослойным накатом из брёвен. Их построили по распоряжению маршала К. О. Тимошенко, который командовал тогда фронтом и готовил штабные КП. Этими укреплениями так и не пришлось воспользоваться нашим войском. Население не трогало блиндажей. Их разобрали на дрова сами немцы.

Безвластие

После выступления по радио И. В. Сталина 3 июля началась эвакуация предприятий города. Уехало руководство советских и партийных органов, некоторые семьи военнослужащих и еврейские семьи. Больше никого не эвакуировали, не давали ни транспорта, ни пособий, ни проездных документов.

Утром 9 октября город оставил секретарь райкома партии. В Ахтырке с 9 по 14 октября наступило безвластие. Кто не переживал и лично не был свидетелем такого положения – никогда не сможет представить себе реально, к каким последствиям приводит безвластие.

Всё начало октября было дождливым. Изредка скупо выглядывало солнце, но оно не грело и не сушило до отказа пропитанной влагой земли. Разливы луж, сплошная грязь по дорогам и тротуарам. И дождь то сильным мгновенным зарядом выльет потоки воды, то моросит по-осеннему мелкий и надоедливый. Температура снизилась до того, что 11 октября повалил мокрый разлапистый снег, как в начале зимы. Снег облепил ветки деревьев, покрытые густой листвой, едва подернутые желтизной осени, и низко, к самой земле согнул их, а то и поломал своей тяжестью. По такой слякотной погоде мы никуда не ходили. В доме редко открывалось одно лишь окно в дедушкиной комнате. Остальные окна были закрыты на ставни. Калитка тоже постоянно находилась на крючке. Кому надо – постучит. Даже собаки зря не лаяли. Реагировали только на шумы, шорохи в черте своего двора.

Первые два дня на нашей улице прошли спокойно. И вот на рассвете третьего дня всполошились наши псы, начали зло и залиристо лаять. Дедушка вышел во двор, выглянул через забор в переулок, откуда просматривалась часть улицы, затем вышел за калитку.

– Господи, що роблят люди! – начал он комментировать увиденное, как вошёл в комнаты. – На возиках, на конях тянут з магазинов кровати, столы, шкафы – всё, що попало под руки.

При таком сообщении не усидишь. Я быстро поднялся и приник к забору у березы, не выходя за ворота.

Улицу, пустынную в предыдущие два дня, невозможно было узнать. По переулку тянулись домашние тележки, подводы с нагроможденными на них в невероятном беспорядке вещами. На панцирных сетках кроватей подпрыгивала в одном возочке швейная машинка и тут же, издавая металлический перезвон, бултыхались несколько чугунов и кастрюль, наполненных ложками, ножами и вилками. Две женщины, высоко подоткнув подола юбок, за пояски несли перевернутый вверх ножками стол, нагруженный ворохом шляп и вениками. Рядом, обдавая их грязью, натужно тянула воз лошадь с гардеробами с зеркальными дверками. И такое невиданное шествие, оказывается, началось на рассвете и продолжало тянуться без перерывов почти до вечера. Недаром заволновались наши собаки.

Движимые неестественным желанием дармовой наживы, люди торопились побыстрее донести домой награбленное. Многие повторно спешили в город, красные, потные, разгорячённые, чтобы успеть забрать ещё что-то, подвернувшееся под руку. Даже в сумерках, оступаясь в лужи, продолжали перевозить вещи.

На целый день хватило нам наблюдать никогда невиданное зрелище какого-то одержимого разграбления магазинов и складов нужных и ненужных вещей, неизвестно для чего взятых. Нас раздирало любопытство: что делается в городе?

Сговорившись с Костей Щербаком, мы на следующий день утром, спрятав под полами телогреек вещевые мешки, тихонько через забор выскочили на улицу и переулками стали пробираться к центру.

Угловая аптека Иойрышей. Это всегда был уголочек чистоты и гигиены. В слякоть и гололёд – посыпан песком тротуар, подметено везде, чистенько. Если бы тогда боролись, как сейчас, за лучший дом, то этому нужно было бы присвоить самое высокое и почетное звание. На ступеньках валялись бумажные пакеты, бинты, таблетки разных цветов и через настежь распахнутую дверь виден был хаос банок, склянок, лекарств, битого стекла, перевёрнутых и изуродованных витрин. Кто-то пытался вытащить круглую витрину, но она по габаритам не проходила в дверь и её, наполовину изломав, отпихнули грязным сапогом в сторону.

Двери в жилую часть тоже были распахнуты. Там просматривался разбросанный мусор, тряпки. Больно было переступить порог аптеки, где часто покупал дешёвые конфеты от кашля, подаваемые с неременной учтивостью и улыбкой или Израилем Петровичем, или его супругой. За какое-то мгновение, проведённое перед дверьми аптеки, безжалостно разгромленной, я явственно ощутил боль: мысленно пронеслись картины дикого разгула, и по спине побежали мурашки.

Сразу за аптекой было маленькое кафе, где мама часто подкармливала меня сметаной со сдобной венской булочкой или мы вместе выпивали по стакану крем-сода, как тогда называли газированную воду. Здесь нечего было грабить. Но окна кафе были разбиты, столы и стулья растащены, поломана стойка и витрина.

В магазин рядом входили не в дверь, на которой продолжал висеть замок, а через окно. Огромная витрина разбита вдребезги. И на полках ничего, кроме пачек желудевого кофе и горчицы. Мы только заглянули в этот магазин и помчались дальше. Все почему-то торопились на мельницу.

Захлёстнутые потоком мельничных грабителей, мы с Костей сбежали по улице вниз, к мосту через речку и затем к воротам мельницы. Здесь невозможно было протиснуться. Кто на плечах, кто сразу по два мешка под мышками, вытаскивали за ворота зерно и муку со складов, некоторые грузили мешки на подводы за воротами. И хотя было только утро, склад стоял пустой. Его успели опустошить до нашего прихода. Можно было только в разных местах собрать по горсти просыпанного зерна или муки, пополам с землёй и грязью.

– Давай полезем по этажам, – предложил Костя.

Мы никогда не были на мельнице. Три раза в сутки зычная мельничная сирена, которую невозможно было спутать ни с каким другим гудком, оповещала смену в семь утра, три часа дня и одиннадцать вечера. По гудкам мельницы проверялись часы.

Внутри этого огромного здания для несведущего человека был сплошной лабиринт проходов, лестниц, площадок, коробов, рукавов, колёс и трансмиссий. Какая-то сверхъестественная сила толкала нас всё выше и выше, под самый потолок здания. Здесь, наверху, было просторней, и мы, наконец, остановились и осмотрелись вокруг. Стоя на коленях, несколько человек просовывали руки в отверстия в полу и вытаскивали оттуда горстями муку. Увидели и мы с Костей крышки, как у чайников, на площадках пола. Открыли – там мука в рукаве из брезента. Мы торопливо очищали рукава от муки и вскоре набили свои вещмешки. Получилось килограммов по двадцать. С этим трофеем заторопились домой. Воры-то мы были, как и все остальные, но чувство стыда нас не покидало и не хотелось, чтобы нас видели соседи. Также через забор деда Мусия пробрались домой, как и из дому убегали. Благодаря этой муке, мы впятером продержались полтора месяца, пока не начали обмен вещей на продукты.

Позже мы узнали, что здание мельницы было заминировано и его должны были взорвать в то самое утро, когда мы с Костей лазили по этажам. Но взрыва не было, мельницу спас какой-то предатель, обрезав провода. Во время оккупации она использовалась немцами как действующее предприятие.

Так, совершенно случайно мы не погибли с Костей утром 12 октября 1941 года.

Во всём этом разграблении было две стороны. Здравый смысл подсказывал: зачем что-то оставлять немцам? С другой стороны: откуда взялся этот вандализм у людей, ещё вчера

таких порядочных, благонамеренных, учтивых и вежливых? Неужели внутри каждого из нас сосуществует Человек и Зверь? Тогда это был вопрос без ответа. Но вопрос мучительный.

Когда же стало известно о разгроме квартир эвакуированных людей, в основном работников советского аппарата и военнослужащих, волосы зашевелились на голове. Ведь там же были соседи, которым поручался присмотр. Они не могли сами начать погром, это делал кто-то со стороны, обуреваемый ненавистью и злобой. Это были новые явления в социальном климате города, дотоле нигде открыто не проявлявшиеся. Всё дремало под личиной прикрытия до поры до времени и выплеснулось вдруг через край в самый страшный период безвластия. Позже, во время оккупации, словно тараканы из щелей повылазили «бывшие» и стали сводить личные счёты и отравлять своей злобой воздух и без того насыщенный зловонием оккупантов.

14 октября 1941 года

Пятый день без представителей власти в городе ничем не вошёл бы в историю Ахтырки, если бы не стал первым днём оккупации. Утро выдалось холодным, тихим и безоблачным. Устойчивое ненастье как будто отступило и дало солнцу взглянуть на притихший город. Внезапно разыгравшиеся страсти мгновенно притихли. Никто больше ничего не тащил. Редкий прохожий торопливо проходил и скрывался за поворотом. Даже не верилось, что два дня назад город бурлил, как развороченный муравейник.

Тишина утра была необычной. В ней таилось что-то зловещее.

Мы с Костей стояли около калитки его двора. Улица была как на ладони от Горбатенкова переулка и до нового поворота. Вдруг из одного огорода вынырнул в серой шинели солдат с винтовкой в руке, перебежал улицу и рысцой, прижимаясь к заборам, добежал до раскрытой калитки напротив нашего дома и по кукурузе зашелестел на противоположную улицу.

Я и Костя присели за забором, когда пробежал солдат, и мы, молча, следили за ним, пока он не скрылся.

Минут через пятнадцать – двадцать ещё два солдата, как по написанному маршруту пробежали по улице и скрылись в том же дворе. Мы прождали около часа, не меняя своих позиций, но больше никого не было.

Было около десяти часов утра, когда издали послышался оружейный выстрел. И тут же левее от нас прошумел пролетевший над головами снаряд и разорвался где-то на соседней улице. За ним ещё несколько в том же направлении. Обстрел вёлся с горы за Ворсклой. Немецкая артиллерия стреляла по городу, по предполагаемому расположению наших войск.

Мои домашние, как привыкли за это время, собрались, окликнули меня, и мы всей семьёй побежали по переулку до первого блиндажа. Все соседи спрятались в этом укрытии. Говорили шёпотом, больше слушали, и при каждом разрыве определяли, куда угодила снаряд. Обстрел усиливался. Взрывы следовали один за другим, иногда сливаясь вместе, и тогда трудно было определить, куда они падали. Рвануло оглушительно рядом, посыпались комья земли, словно лезвие ножа, осколок снаряда впился в бревно дверного косяка. Как только стихло, мы кинулись к дверям, чтобы пощупать впившийся в бревно осколок. Он был ещё тёплым, но мы выдернули его, и он пошёл по рукам.

– Такой не вопьётся, а отхватит руку либо ногу, а то и насквозь пробьёт, – вмешался в разговор дедушка, не беря осколок в руки. Ему, прошедшему. Первую Мировую войну, вес подобных осколков был известен.

Тем временем мы всё-таки выскользнули из блиндажа: не терпелось посмотреть на воронки от взрывов. Все стекла из окон вылетели. Были изуродованы рядом хаты, повалены деревья, иссечены стены. Наступившая тишина пугала больше, чем пронёсшийся обстрел, снова нависла неизвестность. Со стороны площади показались первые разрозненные цепи

немцев. Кто-то из ребятишек в конце переулка заметил вражеских солдат, и словно вихрь пронеслось тревожное сообщение:

Немцы!

Оцепенение от этой новости было мгновенным. Как ни горько было, но это надвигалось, подходило всё ближе и ближе, к самому порогу родного дома. В следующую минуту из укрытия всех сдуло, словно ветром. Огородами, прячась за кукурузой и подсолнухами, прижимаясь к заборам, чтобы не маячить в просвете переулка, растеклись все, словно по команде, по недалёким хатам своим и дворам. Уж лучше быть дома, в своём дворе, когда войдёт враг, чем среди улицы. Если и застрелит – то дома.

Так думал каждый, надеясь всё же уцелеть и уберечь свой дом от разгрома и разграбления. Какими убогими ни были пожитки в нашем доме, но они свои и своя крыша над головой, свои стены, ограждающие от холода и ненастья. Ведь и оно тоже надвигалось, подступала зима...

Дедушка быстро открыл засов своей половины, и мы впятером вошли в тёплый дом. Пахло свежеспеченными пирогами, фасолевым супом и гарбузом. Это всё дедушка раненко утром ради храмного дня – Покрова – приготовил.

– Разбирайте пирожки по карманам, да за пазуху, – скомандовал он, подставляя сито, куда их сложил. Мы почти опорожнили его. Остатки пирогов дедушка определил за загнетку в русскую печь.

В комнате сумрачно. Все ставни закрыты, и только одно окно в кухне пропускает с переулка, загороженного забором, рассеянный свет. Над кроватью тускло горит лампочка. Напряжение в сети всё время меняется, и она то ярче вспыхнет, то еле-еле светится ниточками волосков. Вот она вспыхнула, затем попыталась ещё несколько раз ярче загореться, но замигала и – погасла.

Ходики стали как будто звонче тикать. Стрелки показывали без четверти одиннадцать. С этого времени электрический свет надолго погас в нашем доме. Убогий каганчик и в редких случаях семилинейная лампа будут освещать по вечерам наше жилище.

Первый немец в наш дом зашёл с переулка. Он перелез через забор между сараем и хатой деда Мусия. В каске, с автоматом наперевес, не торопясь зашёл он во двор, осмотрелся и направился к дому.

Дверь в сени была на засове. Он её широко распахнул, ударив ногой, затем открыл дверь в кухню.

– Ест русише зольдат? – спросил от порога.

– Солдат нэмае, – ответил дедушка.

Но немец обшарил фонариком печь за занавеской, затем комнаты во всём доме, кладовки. За ним ходил дедушка, открывая двери, а мы, словно мыши, притихли в комнате, слушали тяжёлые шаги кованых сапог и скрипы дверей.

Из печи немец вытащил сито с остатками пирогов.

– Гут, – откусив пирог, произнёс он и захватил в две руки сразу добрых полдесятка румяных пирогов с фасолью.

Не успел дедушка проводить немца за калитку, как тут же во двор, с улицы, зашли ещё двое. Эти очистили сито и понюхали фаселевый суп. Жестами велели налить миску и присели у стола не то обедать, не то перехватить на скорую руку. Велели открыть окно. Чавкая, почти молча, опорожнили немцы миску с супом. Отодвинув пустую миску, один немец вытащил из кармана карту, разложил её на столе. Я понял, что это был план города, и на нём они отыскивали нашу улицу.

Несмело привстал я со стула и посмотрел на карту. Да, это была карта города, очень чёткая и подробная до мелочей. Колодцы во дворах были обозначены крестиками. Вот и наш переулок. Переулок Горбатенков. Обозначены были все избы, копанки и даже тропинки между домами. Нас всех: дедушку, маму и меня – поразила эта карта. Мы недоумевали: откуда она взялась у немцев?

Спустя много лет мне пришлось разрешить этот вопрос. В одной из книг рассказывалось, что задолго до войны по нашим городам и сёлам ходили фотографы, принимая заказы на увеличение фотокарточек на портреты. Заходили и к нам они не раз. В числе этих фотографов, оказывается, были шпионы, которые самым подробным образом снимали каждый двор, примечали, что где находится и наносили всё на карту. Впоследствии эти глазомерные съёмки в масштабе отпечатывались военными ведомствами немцев.

Эта подготовка к будущей войне велась со времени прихода к власти фашистов. Гитлер до невероятных размеров развил шпионскую сеть, наводнил шпионами всю Европу и Западную часть СССР. Оказывается, они безнаказанно ходили по нашей земле не один год, всё высматривая и вынюхивая. Мы не знали об этом. Только случайно увиденная карта 14-го октября, в день начала оккупации немцами Ахтырки, приоткрыла смысл довоенного плаката «Болтун – находка для врага!» Глаза шпионов за тёмными очками, огромные уши-локаторы взывали с плакатов о бдительности. Многие не принимали этих плакатов-призывов всерьёз, шпиономанию считали болезнью. Вслух об этом боялись говорить, как бы ни наклепать на свою голову беды.

Больше в этот день никто в наш двор из немцев не заходил.

С отца Шуры Семенченко в первый день немцы сняли хромовые сапоги. Он имел неосторожность выйти в них за калитку, и на его беду откуда-то вывернулся немец: «Снимай!» Куда денешься? Под дулом автомата снимешь.

Прячась по убежищам и погребам, люди одевали на себя помногу одежды и получше, чтобы хоть в чём-то остаться, если дом будет разрушен или сгорит. О еде в тот день, насыщенный такими невероятными событиями, мы и не вспоминали, пока голод не стал посасывать под ложечкой. Это было далеко за полдень, когда начало темнеть.

Хорошо, что дедушка раздал каждому пироги, а то выгребли бы немцы всё. Мы молча сели за стол и в сумерках доели остатки фасолевого супа с пирогами и полуостывшую гарбузову кашу. К ней немцы, к счастью, не притронулись.

Напряжённо вслушивались в каждый шорох, боялись зажечь огонь, чтобы в щели ставень он не привлёк к ночи в дом непрошенных гостей. Заснули поздно, прикорнув кто где, не раздеваясь, чтобы в любую минуту быть собранными. Наш двор был пуст, никакой живностью здесь и не пахло. А у кого водились куры – попрятали их подальше в надежде сохранить от этого нашествия.

Первые дни оккупации

Первая ночь прошла спокойно и поразила всех непривычной тишиной. Собаки повсеместно, почуяв беду, молчали.

Дедушка до рассвета в потёмках протопил плиту, сварил пшённый суп, кастрюльку картошки, закипятил чайник. Никто не знал, каким будет наступающий день, как поведут себя немцы, да и зачем привлекать их внимание дымом из трубы. Увидят, что топится печь, могут нагрязнуть. Эти стратегические соображения нам дедушка выложил прямо с утра, предложил сразу поплотнее позавтракать, чтобы, чего доброго не добрались немцы, как вчера, до нашего незатейливого варева.

И не успели мы позавтракать, как издали, с конца улицы, от девятой школы послышался гул. Он нарастал, и вскоре мимо домов, скрежеща гусеницами, пошли танки. Под их тяжестью дрожала земля, дрожали стены нашего дома, дребезжали в окнах состыкованные из кусочков стёкла. Казалось, что дом вот-вот не выдержит и завалится, что посыплется кирпич со стен, которым обложен дубовый сруб нашего дома.

На смену танкам пошли машины, до отказа нагруженные солдатами и всякой военной поклажей. Каких только машин не было! Вся Европа, обобранная немцами, была представлена здесь. И машины тоже ревели, наполняя улицу смрадом. Мокрую дорогу

разбили танки, и машины вязли в грязи, надрывно рычали, выбираясь из выбоин. Следом за машинами пошёл конный транспорт.

– И-го! И-го! – вместо наших «но!» кричали немцы на повозках, хлестали кнутами лошадей. По тротуарам шли солдаты, иногда заглядывали во дворы, шмыгали в поисках съестного.

– Матка! Сало, яйки давай-давай!

Наш двор был пуст, никакой живностью здесь и не пахло. А у кого водились куры – попрятали их подальше в надежде сохранить от этого нашествия. А оно шло и шло, сейчас вперемешку: то лошади, то машины, то запоздалый отбившийся танк. Три дня с небольшими перерывами двигалось по улице неведомо, где накопившееся немецкое войско. Словно монгольское иго набросилось на нашу землю, иго немецкое, фашистское.

Все мы находились в крайне подавленном состоянии. Дедушка молился у киота с иконами, страстно вслух произнося слова молитв и всхлипывая от наступающих слез и горя.

Любопытство взяло верх над разумом, и через несколько дней я предпринял вылазку в город. Немцы никуда не девались, они были в городе, просто, быть может, не появлялись на нашей отдалённой от центра улице.

Передовые немецкие части прошли, фронт двигался в сторону Харькова, где и остановился в преддверии зимы. Но зато тыловые части немцев, и разные комендатуры начали размещаться в городе, как хозяева. В здании техникума – полевой госпиталь, в здании сберкассы – военная комендатура. Красный флаг со свастикой был вывешен перед входом. На нашей улице расположилось небольшое подразделение. В многоквартирном доме – казарма, в небольшом, расположенном рядом доме – полевая кухня. Там с утра до ночи забивали скот из деревень.

Не все солдаты этой команды поместились в казарме. Остальных расселили по дворам нашей улицы. К нам на постой определили фельдфебеля этой части Йозефа Крамера с денщиком. В той комнате, где размещался генерал Белобородов, спал теперь немец, а в спальне, на кровати адъютанта Кости, его денщик.

Крамер на немца-арийца совсем не походил: он был черноволос, лицо имел кругловатое, был невысокого роста, но плотный и стройный. Спал он на кушетке, немногие свои вещи расположил на этажерке рядом и на стуле. Иногда играл на губной гармошке. Мастерски высвистывал какие-то бравурные песенки. Однажды очень выразительно и без фальши сыграл песню о Стеньке Разине – «Из-за острова на стрежень». Позднее, не без опаски, я попросил сыграть его «Интернационал». Он посмотрел пытливо на меня и сыграл, тоже правильно и хорошо. Похлопал меня по плечу то ли в знак солидарности, то ли чтобы молчал и никому не говорил.

Йозефу было 23 года. Перед войной он женился. Показывал фотографию жены и маленькой дочери. На рождество получил посылку из дома и угощал нас домашним печеньем, вкусным и добротным из приготовленным. Письма домой писал часто. Вёл Крамер себя скромно, даже чуть стеснительно. Он робко попросил маму постирать своё белье. Мама согласилась – никуда не денешься, – но сказала, что нет мыла. Йозеф принес мыло, и этим куском мама постирала сразу и наше бельё. За работу Йозеф расплатился котелком горохового супа, в котором было больше мяса, чем гороха, чему мы все были несказанно рады. Питался он дома. Денщик носил ему с кухни котелки с пищей, а заодно и себе.

Денщик Крамера был моложе и настоящий немец – рыжий, веснушчатый, толстомордый. Он постоянно сопел. Сопел, когда ел, сопел, когда чистил до блеска сапоги фельдфебеля. Он тоже не нахальничал и чаще пропадал в казарме, среди солдат, чем дома.

Благодаря Крамеру остался жив наш дедушка. Было уже холодно. Вечером какой-то немец постучал палкой в окно. Дедушка накинул на голову шапку и вышел за ворота. На тротуаре стоял немецкий солдат и держал на привязи корову. Он что-то по-немецки говорил, но дедушка не понимал его. Немец оказался нетерпеливым, разъярился, схватил дедушку за бороду и закричал:

– Юда, Юда! (мы знали, что так немцы называли евреев).

Мама тут же выскочила на улицу и, увидев, что немец вытаскивает пистолет, отчаянно застучала в окно и позвала Крамера. Крамер поспешно вышел. Оказывается, солдат из деревни вёл корову и хотел, чтобы дедушка повёл её дальше, на кухню, но дедушка этого не понял, а тот принял его за еврея и решил с ним расправиться.

Мама рассказывала потом, что она не могла бы и подумать, каким злым оказался вдруг Крамер. Он выскочил в нательной рубашке, миг разобрался, в чём дело, и не только отругал солдата, но ещё и по морде съездил ему. Солдат корову повёл дальше сам...

А Крамер вошёл в комнату, тяжело дыша, желваки ходили у него на щеках, ноздри гневно раздувались. Рука у него оказалась в крови – то ли его, то ли в крови солдата. Он тут же помыл руки и начал нас всех успокаивать. Мама дрожала всем телом, плакала, дедушка тоже был не на шутку перепутан. Ведь ещё какое-то мгновение, и солдат пальнул бы в него с пистолета. Разбирайся потом что к чему, тем более что происходило всё в темноте, почти ночью. Крамер заверил нас, что, пока он в доме ничего не позволит с нами сделать.

Не знаю, из какой он был семьи, но человеческое начало в нём проявилось в тот вечер наиболее ярко. Значит, и немцы были разными, хотя все пришли на нашу землю как оккупанты. Со своим денщиком Крамер не особенно церемонился. Он его отчитывал, тот только каблуками пристукивал да козырял:

– Яволь, яволь.

А вот к нам он относился по-человечески. Видно нам повезло, что попался такой немец. Говорили, что встречались и совсем другие немцы: шныряли повсюду, гадили, где попало, даже насильничали, невзирая на возраст женщин.

Часть Крамера простояла с осени до весны и снялась. Он прожил у нас месяцев пять. Распрощался со всеми за руку. Уезжал на фронт грустным и задумчивым.

И хотя к Йозефу Крамеру в душе, как к человеку, я относился уважительно из-за его скромности, случая с бабушкой и, наконец, материальной поддержки, всё немецкое вызывало во мне внутренний протест. Это были враги, завоеватели, фашисты.

Возможно это неприятие всего немецкого, внутреннее отвращение способствовало тому, что я так и не изучил немецкий язык, хотя представлялась такая возможность. Как показала жизнь, это в дальнейшем ох как пригодилось.

Любой груз знаний за плечами не тянет и в любых условиях, при любой возможности их необходимо приобретать и накапливать впрок. Этой простой истины мы подчас не понимаем, особенно в молодости, когда впереди необъятная жизнь, много энергии и сил, надежд и уверенности в их осуществлении. Всё впереди, все смогу, всё сделаю, приобрету, успею! Нет! Возврата не бывает! Жизнь оказывается до обидного короткой, маленькой. Но в молодости этого не понять.

В дальнейшем же в жизни всё складывалось так, что приходилось чаще обращаться к немецкому языку. Минимальным запасом слов я всё же обладал, кое-что понимал, но говорить стеснялся, не знал грамматики.

Отъезду Крамера, к которому мы привыкли, мы не радовались. Немцы-то оставались в городе и могли снова кого-то подселить в наш дом, а каким он окажется, новый немец, – неизвестно. На наше счастье, после отъезда Крамера к нам не поселили никого. В большой комнате обосновался я.

В домах, где расквартированы были немцы, был подключён свет. Электростанцию немцы запустили. Но освещали не весь город. После отъезда Крамера мы при открытых окнах свет не зажигали, боялись, что отключат. Всё-таки вечером свет был нужен, тем более что я одну за другой глотал книги, наверстывая многое упущенное и вообще, чтобы отвлечься от реальной действительности. Книги брал у Бориса Петровича Губарева, преподавателя литературы в старших классах, моего тогдашнего кумира, руководителя литературного кружка.

Обосновавшись в городе, немцы сразу же начали наводить порядок. Уже на второй день после образования комендатуры было вывешено отпечатанное на двух языках обращение к жителям, регламентирующее их обязанности. Все должны были повиноваться

по законам военного времени немецким властям и распоряжениям, поддерживать «новый порядок в Европе», который установило немецкое командование.

Фразы обращения, хотя и были напечатаны по-украински, звучали, как немецкие. Это был дословный неудачный перевод. В нём чувствовалась приказная жёсткость, отрывистость, словно удар кнута. За все нарушения следовал расстрел на месте без суда и следствия.

Обращения, расклеенные повсюду, читали молча, без комментариев. Молча подходили, молча уходили. Каждый уносил в себе боль и тревогу, зло и ненависть. Только беспрекословное подчинение, повиновение, исполнение – и ничего больше. Никаких прав. Рабство. Так понимал каждый, кто читал.

Вскоре немцы подтвердили свою жестокость. В конце ноября на площади Ленина было повешено пять человек. На груди табличка из фанеры и надпись: «Злодей, крадежник». Я только что прочитал «Повесть о семи повешенных» Л. Андреева, содрогался от ужаса. А здесь не книга, а наяву повешенные, раскачиваемые ветром. У всех жертв почти открыты глаза, высунут изо рта язык, застывшая пена у рта. Повешены были цыгане. Говорили, что их поймали, когда они что-то воровали из машины. Их избили, а потом на устрашение всем повесили. Люди пытались обходить жуткое зрелище стороной. Мельком взглянут – и дальше. У каждого на душе гадкий осадок и невольная мысль: «Началось! Начался новый порядок!»

Утверждать своё господство немцы начали страхом. Запрещалось всякое хождение с наступлением темноты. Запрещалось передвижение по дорогам из деревни в город и наоборот. По улицам разъезжали мотоциклы с немцами в касках, с автоматом наперевес и металлической на груди табличкой фельджандармерии. Всё время говорили о застреленных людях то в одном, то в другом месте. Старались меньше ходить, меньше показываться, проскочить незаметно переулками, огородами.

К Борису Петровичу нужно было идти через весь город, мимо военной комендатуры, через площадь, мимо повешенных. О повешенных учитель знал и так комментировал случившееся:

– Немецкое, типичное варварство, средневековье!

Живший на зарплату от получки до получки, учитель оказался без средств существования. В армию его не призвали по причине большой близорукости. Без очков он не видел ничего и никого и если передвигался, то наощупь, как слепой или по памяти в собственной квартире, зная расположение вещей.

К голоду надвигался ещё и холод. Впереди зима, а дров нет, топить нечем огромную и холодную квартиру. Я обежал сад до берега речки, увидел много сушняка, и мы начали заготовку дров в собственном саду. Борис Петрович не мог орудовать ни пилой, ни топором. Но с горем пополам мы всё-таки спилили, что смогли, вплоть до заваленного тополя на берегу реки. Натаскали солидную кучу хвороста. Складывали в сарайчик с проломанной крышей. Но все равно дрова были сырые, горели плохо, чадили. Елена Иосифовна, жена Губарева, подсушивала дрова в духовке и на плите. Трёхлетняя Тамара ходила за мамой хвостиком, цепляясь за подол. У неё во все щёки, как и у отца, был румянец. Губаревы стремились накормить ребёнка, а сами перебивались неизвестно чем. К исходу зимы демисезонное пальто на Борисе Петровиче висело, словно на вешалке, глаза запали, заострился нос, подбородок. Движения у него стали замедленными, как у голодного человека.

Большую комнату они закрыли и ютились в спальне, куда выходила духовка. У самой духовки стояла кровать дочери. Их кровать покрывало лоскутное одеяло, ещё с поры студенчества, как говорила Елена Иосифовна. Суконные и шерстяные одеяла они променяли на продукты.

По улице Ворошилова, где жил Губарев, располагалась городская Управа. Головою Управы был Зубицкий, инженер-строитель, живший на этой же улице. Флаг около Управы висел желто-голубой, флаг украинских националистов.

В помещении милиции разместились полиция, тоже из местных жителей. Страшилищем и громилой в полиции был некто Богатырь – здоровенный молодой парень, свирепый и дурной, с которым опасались встречаться люди и обходили десятой дорогой. Он сам, как садист, своими кулачищами до полусмерти избивал задержанных. Принимал участие в казнях через повешение, а позднее в расстрелах на мельнице.

Полицейские ходили с оружием, с повязками на рукаве. Как только они появлялись, все тревожно провожали их взглядом: шли кого-то арестовывать. Арестуют – больше не выпустят. Из тюрьмы одна дорога – в отвалы шелухи на мельнице, где было расстреляно несколько сот заложников из мирного населения. За каждого убитого немца расстреливали десять человек. Тюрьма была забита заложниками. В заложники люди попадали по доносам. Бывшее кулачье, откуда-то вынырнувшее, сводило счёты с семьями тех, кто их раскулачивал. Стоило на человека показать пальцем, сразу арест, расстрел.

В течение всего времени оккупации с мельницы доносились автоматные очереди, в шелуху падала очередная партия заложников. Каждая очередь вонзалась в сердце болью. Отвалы шелухи стали братской могилой расстрелянным немцами невинных советских людей. А голод давал себя знать. Бабушка начала обмен вещей на продукты. Сначала обменяла все цветастые платки на зерно, потом наши костюмы, потом дошла очередь до домашних запасов горчицы и скверного довоенного кофе. Но настал день, когда менять стало нечего. И тут бабушку осенила мысль: предложить на обмен крестик, отлитые каким-то умельцем из свинца. Крестьяне не прочь были обзавестись в такое смутное время крестиком. Пошатнувшаяся вера в бога снова обрела неисчислимых паломников. Верил или не верил народ в бога, а изливал свои беды Всевышнему и молился за освобождение своей родной земли.

Зима 1942 года легла раньше обычного, была морозной и снежной. Позаносило дороги, поля такими сугробами, каких давненько не было. И по снежному пути потянулись из Харькова беженцы. Немцы выдавали пропуска на выезд из голодного прифронтового города. Все вещи менялись в основном на хлеб. За буханку хлеба отдавали костюм, тёплое одеяло, покрытое шёлком. Вещи совсем обесценились. Людям ничего не было жаль, лишь бы добыть хлеб.

Дорога из Харькова стала не только дорогой спасения от голода. Она стала дорогой смерти. Обессиленные люди не в состоянии были преодолеть холод, глубокий снег и, свернув отдохнуть на обочину, замерзали и умирали. Их заносило снегом до весны, а их саночки с поклажей доставались более сильным и выносливым. Эту картину пришлось наблюдать тете Шуре. Она пешком преодолела 108 километров налегке в надежде отсидеться в Ахтырке до прихода наших. В Ахтырку с Витей и Ирой из Славянска пришла тетя Галя, спасая своих детей от неминуемой гибели (их отец был евреем). И она видела бесчисленные холмики вдоль дороги, под которыми покоились замерзшие люди. Беженцы растекались по деревьям. Набирались сил и с поклажей съестного возвращались в город, где их с нетерпением ждали дети и старики.

Обратный путь был ещё опаснее. Встречный поток голодных людей превращался в зверей. Совершались ограбления и убийства. Начались аресты по доносам и анонимкам. Сводились личные счёты. Одни немцы, без нашей внутренней мрази, возможно меньше бы натворили бед.

В музее нашем краеведческом, куда, чтобы оплатить за обучение в 1939 году продал я коллекцию бабочек, работали муж и жена – тихие, мирные, пожилые. Он Сергей Иванович, она не то Даша, не то Дора. Так этот Иванович оказался «бывшим», выплыл на поверхность и стал вдруг начальником тюрьмы. Меня передернуло, когда я узнал об этом. А сколько их было, этих притаившихся «бывших»? От них спасения не было.

Оккупационная школа

При Ахтырской оккупационной управе находился отдел образования, возглавляемый Барабашем – низким, плотным бритоголовым мужиком.

По чьей инициативе не знаю, но к концу 1941 года из дома в дом ходили переписчики. Они учитывали всех учеников и учителей, находящихся в городе. Было официально объявлено, что с января начнутся занятия в средней школе. Всем преподавателям и ученикам будут выданы хлебные карточки, как работающим.

Проведением такого мероприятия могли преследоваться разные цели гуманного и корыстного характера. Во-первых, нужно было как-то поддержать материально учителей, оставшихся без средств к существованию, и учеников, тоже голодных. Во-вторых, за молодёжью легче было следить, в их среду можно было запустить шпионов, выпытывающих настроения и веяния. В-третьих, выявить наличие молодёжи для отправки в Германию.

Преподавательский состав подобрался сильный. Занятия в школе начались 2 января. Десятиклассников набралось человек шестьдесят. В классах было тесно, тем более, мы сидели в пальто, здание не отапливалось. Преподавание предметов шло по довоенным программам, не было только истории. Немецкий язык вел Зейгер, который заставлял нас заучивать стихи какого-то фашистского поэта о стойкости духа. Одновременно мы учили стихотворения Гёте. Зейгер добивался правильного произношения, разговорной практики. Литературу вёл Максимиенко – высокий, слащавый мужчина лет сорока. Он нажимал на националистическое звучание стихов Шевченко.

Среди десятиклассников была и моя будущая жена – Таня Сергиенко – худенькая, черноволосая, тихая девушка с косами, уложенными вокруг головы. Круглая отличница. Но на неё тогда внимания я не обращал.

Мне нравилась Ольга, которая великолепно играла на рояле. Характер Ольги был невыносимо капризным и взбалмошным. Но когда она начинала играть, всё отступало и забывалось. В моих друзьях в то время были Лёня Лебеденко, который занимался фотографией, сестра Лёни – Раиса, Валя Глянько. Я, Боря Шелест, Боря Каткалов, Костя Щербак – ребята с нашей четвертой школы, старались держаться кучкой.

Среди учеников был и неприятный тип, кажется Сопитько по фамилии. Он как-то вызывающе хулил большевиков. Его можно было принять за провокатора. Показная ненависть к советскому образу жизни была неприятной, отталкивающей. От него все отходили, как от чумного. Он уехал добровольцем в Германию. Занятия в школе продолжались и в мае, но об экзаменах не говорили, поскольку по программам шло большое отставание. Предполагали, что заниматься будем в июне и июле, а в августе сдадим экзамены. И вдруг 26-го мая занятия прервали. Объявили, что будет проведено важное собрание с представителями немецких властей.

Сколько учились – не было никаких собраний, а тут собрание. О чём? – терялись в догадках. Всезнающий Сопитько объявил, что разговор пойдёт о вербовке в Германию. Откуда этот прохвост был осведомлён – не знаю.

На машинах приехали Максимиенко, Зейгер и немецкий офицер. Все притихли, затаили дыхание. Начал говорить немец с интервалами для перевода. Он нарисовал радужную картину, какая перспектива, какое красивое будущее открывается перед нами. Нас приглашают в Великую Германию на работу. Мы будем общаться с самым культурным в Европе народом. Поработаем год-два – и перед нами открыты двери во все вузы Германии. К тому времени мы практически изучим немецкий язык. На все лады расхваливали они немецкий порядок, немецкую аккуратность, которой нам не хватает. Наше приобщение к культуре великой нации нас облагородит, мы вернёмся хорошо подготовленными специалистами.

Все слушали молча. На размышления, сборы и советы с родными отпускалось четыре дня. Эшелон к отправке будет 30-го мая.

День был солнечный, жаркий, но по коже пронёсся ледяной холод. Никто не знал, как будет проходить отправка. Возможно, проедут машины по адресам, всех выловят и увезут. Поэтому расходились все молчаливо, потупив взоры, с тяжёлым сердцем. Говорилось о добровольной поездке в Германию. Но будет ли она действительно добровольной? В мозгу сверлила мысль: как избежать отправки, кто может помочь?

Дома все заохали, запричитали, но сошлись в одном: ни в коем случае в Германию не ехать Первый эшелон, действительно оказался добровольным. «Ну, хорошо, – рассуждали они. – Мы не поедём свободно, завтра насильно заберут». В этом почему-то были убеждены они и как будто сожалели о том, что эта простая истина до нас, оставшихся, не доходила. В числе добровольцев оказался Боря Катькалов. Он именно так и рассуждал. В общей сложности уехало человек двадцать из наших десятых классов.

Так закончилась оккупационная школа.

Тревожное лето 1942-го

5 июня велено было всем мальчишкам явиться в комендатуру. Нас снова всех переписали и направили на ремонт шоссе. Около моста через реку Ворскла.

Снежная зима закончилась дружной весной. Половодье было большое, и река разлилась, затопила все старицы и поймы, вышла на луг. Словно море плескались речные воды от горы Ахтыр до Белой Саги. Когда вода спала, выяснилось, что песчаная насыпь к мосту смыта. Каменное покрытие провалилось, вся дорога превратилась в овраги, на дне которых стояла вода по колено. Из воды нужно было извлечь весь камень, чтобы вновь его использовать для ремонта дорожного полотна.

Работа не тяжёлая, но когда весь день не вылазишь из воды, к вечеру бьёт озноб, сводит ноги и разламывает спину. Для здорового, нормально питающегося человека такое занятие, как игрушка. Мы все питались кое-как, лишь бы не умереть. Когда разделись перед работой, удивились: у всех торчали ребра и лопатки. Поэтому быстро выдыхались, чаще садились отдохнуть.

За работой присматривали немцы. Они ходили взад-вперёд по насыпи и как увидят, что перестали таскать камни, присели, сразу раздавалась команда встать и работать. Вытащенный гранит складывали штабелем с двух сторон размытой насыпи. Приходилось весь день сновать от луж к штабелям, но не торопиться, а рассчитывать силы до вечера. Приседали только на обед, если можно было назвать обедом кусочек хлеба, пару картофелин, сваренных в мундире, да бутылку воды, вместо чая.

За две недели дорожных работ мы все загорели до черноты. В полдень и вечером шли к мосту и смывали в речке грязь и пот. Наша дорожная команда постепенно начала редеть. В одной из луж Костя Щербак напоролся на острую скобу. Еле-еле остановили ему кровотечение. А вечером только с нашей помощью дошёл он домой. Рана заживала медленно, гноилась, распухла вся нога. Не помню, сколько времени Костя болел, но на работу он больше не ходил.

Следом за ним у меня начала распухать левая нога в паху: я ударился обо что-то твёрдое, поскользнувшись и упав в лужу. Вероятнее всего, это было простудное воспаление от ежедневного нахождения в воде. Опухоль мешала ходить, ногу тянуло и я слёг. Без нас с Костей заканчивали ремонтировать насыпь. А нам нельзя было никуда выйти, оба обезножили. В табелях команды, где мы значились и где выставлялись при выходе крестики, против наших фамилий было написано «хворый». Пока мы с Костей значились больными, что удостоверялось врачебной справкой, нас никто не беспокоил.

Отправка эшелонов с молодёжью в Германию продолжалась. В городе в самое неожиданное время устраивались облавы. То в народном доме после спектакля перекрывались все выходы, то на базаре вдруг появлялось оцепление и выпускали всех по одному. Тут же стояли машины и всех, у кого не было документов или требовалось

дополнительное выяснение, сажали в машины и увозили. Задержанных увозили в полицию, а оттуда прямо на вокзал, грузили в эшелон и отправляли в Германию. Игра в демократию закончилась.

Город опустел. Все, кроме стариков и детей, боялись появляться на улицах. Тогда начались ночные облавы. Из дома в дом ходили и забирали всех молодых и среднего возраста людей. Не брали только больных. С ними возиться было некогда.

Нас с Костей спасали справки, но надолго ли? Костя начал развязывать рану, не прикладывая туда мазь и процесс заживления остановился. Рана продолжала гноиться, дурной запах бил в нос, нога болела, но приходилось терпеть. Мне было хуже. Открытой раны не было, опухоль спадала. Симулировать было нечем. Я наматывал огромную повязку на пах, чтобы казалось страшнее.

Пару костылей мы разделили с Костей – по костылю каждому. Костылями когда-то пользовалась его мать. Их отыскивали на чердаке, онигодились и нам. Без костыля – ни шагу. Хотя можно было фактически обойтись и без него и мне и Косте. Приходилось представлять спасительный спектакль, симулировать.

На нашей улице все знали, что мы заболели на дорожных работах. Мама постоянно спрашивала у соседей то бинтов, то вату, то мазь. Кого не встретит, каждому рассказывала о своём горе. Ей сочувствовали, предлагали народные средства. Версию болезни приходилось поддерживать, как защитный иммунитет.

Впоследствии с великим трудом удалось достать справки из туберкулезного диспансера. Это послужило спасением для меня и Кости от угона в Германию.

Начало конца

В конце 1942 года фронт оставили итальянцы, мадьяры и румыны. В Ахтырке многочисленные отступающие части этих союзников Германии появились в январе, где-то в двадцатых числах.

Это было удивительное зрелище. Разутые, с обмотанными тряпьем ногами, держась за кузов машины, а то и за гривы лошадей, это «воинство» беспрепятственно шло с Харьковского направления на Полтаву и дальше на запад.

На нашей улице разрешили двухдневный отдых итальянцам. Они расселились во всех домах по несколько человек. К нам набилось сразу человек шесть. От них удалось узнать о распаде войск. Дуче все ненавидели и отзывались о нём как о подручном Гитлера бандите.

Дней десять длилось отступление «союзников». А в начале февраля мы узнали о поражении и разгроме немцев под Сталинградом. Армия Паулюса прекратила своё существование. Пять дней радио наполнялось траурными маршами. Они казались нам победными. Это было началом конца, началом изгнания фашистов с нашей земли. Фронт снова придвинулся к Харькову, а 23 февраля, в День Красной Армии, наши войска вошли в Ахтырку. Это было первое отступление немцев.

Когда итальянцы, мадьяры и румыны хлынули с фронта, засуетились и немцы. Эхо Сталинграда докатилось и до наших мест. Как дым развеялся миф о непобедимости немецких войск. Их гнали, как бешеных собак. И они удирали, в основном по ночам, чтобы не так видно и наглядно было их бегство. Какой-то период безвластия после отступления немцев и перед приходом наших частей в городе был. Снова повторился, но уже в меньшей степени, чем в октябре 1941-го, погром. Теперь люди охотились только за продуктами. Вещи не интересовали никого.

23 февраля – 11 марта

Этими датами, шестнадцатью днями, обозначено в истории Ахтырки зимнее наступление наших войск.

Утро двадцать третьего февраля выдалось пасмурным. Снег утром ещё держался, а часам к одиннадцати превратился в сплошное месиво. Именно в это время со стороны города на нашей улице появились сани – розвальни и первый красноармеец на них в белом когда-то, а сейчас засаленном и испачканном полушубке, с автоматом наперевес на груди, в валенках. Все высыпали на улицу, увидев солдата, звездочку на шапке-ушанке. Красноармейцы выглядели прекрасно: упитанные, розовощекие, хорошо, но жарковато одетые. Все подряд спрашивали, где достать самогону.

Дедушка вынес бутылку, и солдат, чтобы не остаться в долгу, отдал ему меховую душегрейку-безрукавку. И слушать ничего не захотел-возьмите и только. И без неё жарко.

Первые части наших войск без остановки устремились в погоню за отступающими немцами. Но до Полтавы не дошли. Дошли только до Гадяча, что в семи километрах от Ахтырки. Такой марш бросок был недодуман. За передовыми частями не было тыла, не было подкрепления. И наступление выдохлось.

Немцы заманили наши части в ловушку. Оторвавшись на сто и более километров от передового фронта, наступление захлебнулось. Волей-неволей пришлось отступать. Отступление – не наступление. Там бегут в панике, а тут преследуют и чуть кто зазеваётся – гибнет. Погибло много наших подразделений.

До 23-го февраля Ахтырку не бомбили. Этот день оказался двойным праздником – Днём Красной Армии и Днём освобождения. Но в этот день произошло и третье, далеко не радостное событие – первая бомбёжка города с воздуха. Не успели массово пройти наши части по улицам города, как послышался нарастающий гул тяжёлых самолётов. Это приближались к городу немецкие бомбардировщики.

Самолёты шли строем. Дойдя до мельницы, строй распался, и с самолётов стали отделяться зловещие груши – бомбы. Они издавали короткий вой и рвались. На месте взрывов образовывались чёрные столбы дыма.

И так самолёт за самолётом. Сброс смертельного груза, пике – и на небольшой высоте самолёт скрылся. Отбомбившись, самолёты ушли в сторону, откуда появились, и минут через двадцать появились вновь с грузом бомб. Теперь они бросали их на город, куда попало. В первую очередь туда, где наблюдалось скопление людей. В день первой бомбёжки жертв было много. На мельнице погибло более ста человек. Как спастись, люди не знали.

Вдоль корпуса завода, что выходил на бульвар, на корточках сидело человек тридцать. Словно очередь. Казалось, что они вот-вот присели. Но все они были мертвы. Без одной царапины, с открытыми глазами. Их погубила взрывная волна. Везде стоял плач, проклятия на голову немцев сыпались со всех сторон.

В тот же день и на нашей улице разорвалась первая бомба. Она угодила в веранду дома, в котором жила семья Фесенко. Клара Фесенко, белокурая, голубоглазая девочка училась со мной в одном классе. Летом сорок второго немцы увезли её в Германию. Остались в доме мать и брат Виктор, мальчишка лет двенадцати, очень живой, веснушчатый, словно подсолнух.

Виктор прятался в погребе, а мать с соседкой были в комнате. Мать что-то варила.

Услышав разрывы бомб повторного налёта авиации, Виктор из погреба бросился в дом, а мать ему навстречу побежала в погреб. В этот момент разорвалась бомба. Виктора убило насмерть сразу же. Он упал навзничь, лицом к небу, а головой к погребу. Матери же осколок снёс черепную коробку. Она сидела в развалинах веранды, а в открытом мозгу пульсировала жилка, словно живая. Обрушившийся потолок заклинил в углу их соседку. Она отделалась лёгким испугом. С тех пор запах пироксилина, смешанный с запахом человеческой крови, я не могу выносить.

А с 11 марта в город снова вошли немцы. Пришлось пережить вторую оккупацию врага со всеми их бесчинствами, страхами за себя и своих близких. Ахтырка была окончательно освобождена только 25 августа 1943 года. Город находился под оккупацией один год и десять месяцев.

Вот такие события произошли во время оккупации моего родного города во время Великой Отечественной войны.

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Горевать горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать не хвастливо
В час победы самой.
И беречь её свято,
Братя, счастье свое
– В память воина-брата,
Что погиб за неё.

Александр Твардовский

Приложение к рассказу «Война глазами шестнадцатилетних»

Сергиенко Татьяна – моя мамочка, перед войной, за приготовлением уроков, прилежная ученица, отличница

15 декабря 1974 года. Маме – Диденко Татьяне Фёдоровне – 50 лет.
Учитель литературы, заместитель директора по УВР, «Отличник народного просвещения». Мне 18 лет. Студентка 1 курса Иркутского педагогического института.

Мой отец – Диденко Александр.
1942 год, время оккупации родного города Ахтырка

Мой отец – Диденко Александр Васильевич – на краеведческой конференции,
выступление перед учениками школы-интерната № 2 в апреле 1989 года

Родной дом моего отца в городе Ахгырка Сумской области. В нём вся семья из пяти человек пережила оккупацию немцев

Родной брат мамы – Сергиенко Константин Федорович, участник войны с 1943 по 1945 гг. Защитник Отечества

Брат мамы – Константин, 14 мая 1946 года. Служба в армии после окончания войны

Фотография с фронта, брат мамы справа – Константин, 17 ноября 1944 года

Николай Вяткин

О войне

Рассказ

Годы не идут, годы бегут, но никогда не изгладятся в памяти воспоминания прошлого. Им некуда деться, они вечно кровоточат в сердце ветерана.

– На всю жизнь запомнился день, когда началась война. Мы возвращались с реки после купания. Экзамены были сданы, мы чувствовали себя счастливыми и свободными. Уже на улице мы услышали это страшное слово – война! В то время нас воспитывали в духе патриотизма. Мы твёрдо знали, что наша Красная Армия сильна и врага уничтожит на его территории. Перед войной большое внимание уделялось военному делу. Абсолютно все учащиеся должны были сдавать нормы БГТО (физическая подготовка), ПВХО (противовоздушная и химическая подготовка), ГСО (сан. оборона). За успешную сдачу выдавали значки. Мы их носили гордо, как ордена.

Известие о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз всколыхнуло не только наши мальчишеские души. Вся страна от мала до велика давала клятву бороться до полного уничтожения врага.

На второй день войны нас, семиклассников, отправили в колхоз «Прожектор» для работы на полях. Может быть, в мирное время кто-то и схитрил бы, увильнул от тяжёлой крестьянской работы, но в опасное для страны время явились все выпускники седьмого класса. Выполняли любую работу: косили, убирали сено, пололи бескрайние поля, копали картошку, и никто не жаловался на кровавые мозоли, недосыпания... Особенно трудно было убирать злаковые: никакой механизации, всё делали вручную, а мешки с зерном весили 50 килограммов. Трещали наши спины, но норму по сдаче хлеба государству мы выполнили.

Каникулы летние отменили. Сами учащиеся построили свинарник из глины и соломы, эту мешанину закладывали в специальные срубы, заливали водой. Часами под палящими лучами солнца месили глину с соломой, а потом часами утаптывали, чтобы масса стала плотной. Преодолели все трудности, но построили глинобитный свинарник своими руками.

В 1943 году прибыли в наш район старшины Тихоокеанского флота, через райком комсомола проводили набор добровольцев для службы в военно-морском флоте. Я подал заявление, прошёл комиссию, был признан годным к службе. Видимо, физический труд не прошёл даром. Из Заларей на поезде нас отправили во Владивосток, а оттуда уже на Русский остров, где готовили специалистов для кораблей флота. Здесь я впервые увидел море, корабли, стоящие на рейде у причалов. Было жарко, очень хотелось пить, по деревенской привычке подошли к воде, зачерпнули в ладони и глотнули... Вода была горько-солёная, пить её было невозможно. Это было первое знакомство с морской службой. Распределили нас по курсам, я был определён вторым номером станкового пулемётчика. В обязанность мою входило носить станок весом 16 килограммов. Учения были часты, никаких поблажек нам не делали, вот и бегали мы по любой территории с пулемётом на плечах. Трудно было привыкать к службе после вольной крестьянской жизни. Но мы преодолели все тяготы.

После прохождения курсов молодого бойца нас направили на корабль «Аргунь» – флагман кораблей, входивших в состав ОВР (охрана водных рубежей). Нас, 10 человек курсантов, определили в БЧ-2 (артиллерия).

Дедовщины тогда не было, нас встретили, как родных братьев. Вначале мы были подносчиками снарядов, которые весили от 16 до 32 килограммов. Особенно запомнилось орудие – 76 мм образца 1915 года. Оно ревело и грохотало с такой силой, что после стрельбы долго ничего не слышали, ощущали только боль и шум в ушах. Вскоре я был назначен первым наводчиком, а затем и командиром орудия.

В то время беспокойно было на Дальнем Востоке: Япония была союзницей Германии и стремилась захватить территорию СССР до Байкала. На границе СССР Япония сосредоточила миллионную квантунскую армию. Военные корабли Японии топили торговые суда, которые везли груз из США. В 1943 году японский крейсер закрыл выход из бухты Советская Гавань, не давая выхода нашим кораблям. Так продолжалось трое суток. Нашему командованию дан был приказ не идти ни на какие провокации. Мы три дня были в полной боевой готовности.

Вспоминаю май 1945 года. Победа над фашистской Германией, но у нас на Востоке было беспокойно. 8 августа 1945 года была объявлена война с Японией. Перед нами была поставлена задача обеспечить высадку десанта и захватить плацдарм для основных сил. При подходе к Японскому порту мы попали под артиллерийский обстрел, да ещё с воздуха нас начали атаковать. Одно десантное судно было подбито и потеряло ход. Началась борьба за спасение людей. При поддержке наших «Катюш» мы смогли помочь товарищам и добрались до суши. Здесь развернулся ожесточённый бой. Вначале был перевес на стороне японцев, силы оказались неравными.

Хочется рассказать о смелой девушке, Марии Цепун. Наша медсестра. Она не ждала окончания боя, под шквальным огнём смогла вынести 19 раненых бойцов, когда отправилась за двадцатым, её выследил японский снайпер и убил. До сих пор мучаюсь в поисках ответа на вопрос: что же это за человек, было ли у него сердце, ведь стрелял он не в солдата, а в девушку, которая спасала раненых?

Объект мы всё же взяли, помогла опять наша авиация.

Много хлопот доставляли японские снайперы-«смертники».

2 сентября Япония капитулировала. На американском линкоре «Миссури» представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции. В это время в Корее развернулась народно-демократическая революция, которую реакционные силы с помощью американцев хотели подавить. Нас перебросили в Корею. Основную роль в освобождении этой страны сыграла наша армия. Оставаясь в Корее, мы дали подписку о неразглашении тайны на 30 лет, которая теперь уже не имеет никакого значения. Американцы уничтожили два с половиной миллиона человек. За участие в освобождении Северной Кореи я был награждён медалью «За освобождение Кореи».

Служба моя закончилась сильным ранением: мы шли на шлюпке по морю, выполняя боевое задание. Нас обстреляли, я получил тяжёлое ранение и был доставлен в госпиталь, и демобилизовали меня по инвалидности. Так закончилась моя служба.

Оглядываясь назад, заново проживая прошлое, вспоминаю различные случаи.

Однажды в бухте Нагаево, это было в 1944 году, пошли мы в увольнение. Пришли мы в парк, услышали духовой оркестр. Замерли от изумления. Музыка нас буквально заворожила. Мы, крестьянские мальчишки, знали только балалайку да гармошку, а здесь такое... У нас в деревне до войны не было электричества, о радио мы только слышали. Мы до того

увлеклись музыкой, что забыли, где находимся. Спихнулись, когда до конца увольнительной осталось совсем немного времени. Бросились бежать, перепутали дорогу. Испугались. А тут выскакивает женщина на дорогу, просит помочь ей. Загорелся дом, а там остались дети. Мы бросились спасать детей. Спасли. В часть явились с большим опозданием. Нас не наказали, учитывая наш поступок по спасению детей.

Однажды при выходе из бухты «Золотой рог» мы получили сильный удар от корабля большого водоизмещения. Время было ночное, одна смена матросов уже спала, в кубрики неожиданно хлынула ледяная вода. Было очень страшно. Стоя по пояс в холодной воде, мы заделывали пробоину. Работали быстро и слаженно, вскоре пробоина была закрыта, и мы отправились спать, как будто ничего не произошло. Лето простояли в доке на ремонте. Впервые увидел ракушки, очищали дно корабля.

Да, многое пришлось пережить, но выстояли, выдержали, потому что не хныкали, не жаловались, а чётко выполняли приказы, понимали остроту любой ситуации.

Содержание

От составителя.....

Рассказы

Надежда Дегтярёва

Юбилейная медаль. *Рассказ*
Новости Победы. *Рассказ*.....
Я не люблю вспоминать войну... *Рассказ*.....

Галина Елисейкина

Живу и помню. *Рассказ*.....

Владимир Рапацевич

Ночь коротка. *Рассказ*.....

Сергей Стахеев

Два письма. *Рассказ*.....

Стихи

Татьяна Евдокимова

Ветераны.....
Звезда.....
Нет войне!.....
Письмо с фронта.....
У вечного огня.....

Яна Зарубина

В каждом русском человеке.....
Нам Победа тяжело досталась.....
«Спасибо Деду за Победу!!».....

Татьяна Кравцова

Помним дни, когда земля горела.....
След неизгладимой раны.....

Нина Рукасуева

Бессмертный полк.....
Мой отец воевал в пехоте.....
Эту историю мама мне рассказала.....

Сергей Стахеев

Был бы жив той весной мой отец!.....

Ольга Шолохова

Бессмертный Полк.....

Дети о войне

Лия Клещова

Гриша. *Рассказ*.....

Диана Васильева

И снова в бою... *Стих*.....

Юлия Зельманович

Мы помним тот ужас, тот страх и отчаяние. *Стих*.....

Никита Озолс

Когда фашистов били наши деды... *Стих*.....

Анна Перевалова

Взрывом на землю родную спустилось
Ты знаешь, мама, мне приснился сон

Павел Пустынский

Пусть войну никогда не забудут

Ульяна Семёнова

На следующий день на войне

Воспоминания

Мария Алёхина

Война глазами шестнадцатилетних. *Рассказ*

Николай Вяткин

О войне. *Рассказ*